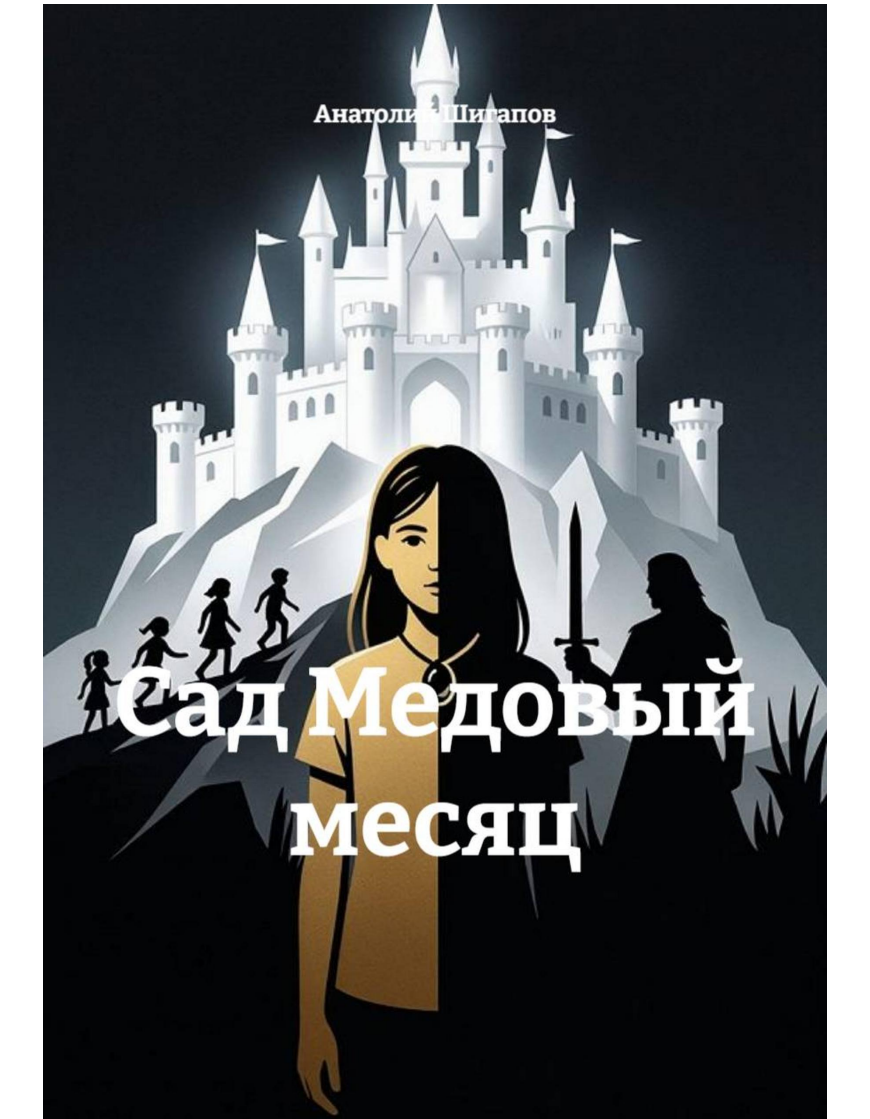

Анатолий Шигапов

Сад Медовый

месяц

Анатолий Шигапов
Сад Медовый месяц
Серия «САД», книга 2

<https://litres.ru/74468727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она думала, что попала в рай.

Белый замок на скале, сияющие сады, тёплые улыбки - Академия приняла Лиру как родную. Здесь у неё появились друзья, наставник, дом. Маркус учил её выживать, прятаться, быть тенью. Он обещал защитить. Он говорил, что она сильная. И она поверила. Впервые за долгие годы она позволила себе надеяться, что боль закончилась.

Случайно найденный рисунок разрушил всё. Два смеющихся парня. Два меча. Надпись: «Братья навсегда».

Эта книга - о пробуждении. О том, как рушатся идеалы и какую цену приходится платить за правду.

Анатолий Шигапов

Сад Медовый месяц

ТОМ 2: «МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ»

Предисловие автора

Дорогой читатель,

Если первый том был историей о поиске света в крошечной тьме, о попытке найти дом там, где его быть не может, то эта книга - о том, что происходит, когда свет оказывается ложным. О том, как красивая клетка может стать самой страшной тюрьмой, а самое искреннее доверие - самым горьким предательством.

«Медовый месяц» - это не просто название. Это метафора того короткого, опьяняющего периода, когда кажется, что все страхи позади, а впереди - только тепло, покой и любовь. Для Леры этот период наступает в стенах Академии. Она наконец-то обретает то, чего была лишена всю свою короткую, но такую тяжелую жизнь: дом, семью, друзей, наставника. Она учится смеяться, доверять и верить в будущее.

Но, как и настоящий медовый месяц, это состояние иллюзорно. Оно не может длиться вечно. И когда пелена спадает, Лера обнаруживает, что рай построен на костях таких же детей, как она. Что доброта её наставника - это маска, скрывающая вину. Что её собственный дар - это не благословение, а проклятие, способное пожирать чужую жизнь.

Эта книга - о пробуждении. О болезненном, но необходимом процессе взросления, когда рушатся идеалы, а правда оказывается страшнее любого вымысла. Лира пройдет путь от наивной надежды до холодной, нестигаемой решимости. Ей предстоит узнать, что значит быть чудовищем в глазах других и, что еще страшнее, в своих собственных. Ей придется научиться жить с болью, которую невозможно забыть, и с ненавистью к тому, кто одновременно является её единственным защитником.

Это история о том, что сила - это не всегда умение создавать. Иногда это умение выстоять, когда рушится всё. Умение забирать, чтобы выжить. Умение прощать, чтобы не сломаться. И умение жить с тенью прошлого, не позволяя им поглотить тебя целиком.

Я приглашаю вас пройти этот путь вместе с Лирой. Путь, полный боли, открытий и жестоких истин. Путь, который сделает её сильнее. Путь, с которого уже нет возврата.

Анатолий Шигапов

ГЛАВА 1: Свет

Свет. Первое, что ощущается, - даже раньше собственного тела, раньше дыхания, раньше памяти о том, кто ты и как здесь оказалась. Он проникает сквозь сомкнутые веки не резко, не насильственно, а мягко, почти невесомо, как прикосновение тёплой ладони к лицу спящего. Золотистый, густой, как растопленный мёд, пульсирует в такт сердцу - или,

возможно, это сердце начинает биться в такт ему. Струится, обволакивает, ласкает, просачивается сквозь кожу, сквозь поры, сквозь самую глубину существа, и вместе с ним входит что-то новое, чего никогда не знала раньше. Что-то, что не имело названия в том мире, откуда пришла.

Глаза не открываются. Страх.

Страх, что свет исчезнет, растворится, как утренний туман под первыми лучами солнца, и оставит после себя только привычную пустоту и серость - те самые, что были спутниками так долго, что уже не помнится, когда начались. Неподвижность. Даже дыхание - только самыми кончиками лёгких, едва-едва, чтобы не спугнуть это ощущение, не спугнуть сон, в котором, наверное, всё ещё находишься. Потому что такое не может быть явью. Такое случается только в сказках, которые мать рассказывала по вечерам, когда сидели на крыльце и смотрели на реку. Или в тех редких снах, что приходили в приюте, когда ненадолго забывался холод и голод.

Вспоминается, как в приюте, когда была совсем маленькой, одна из девочек сказала: «Если ты умрёшь, ты увидишь свет. И там будет твоя мама». Тогда не зналось, что значит «умрёшь». Думалось, это значит «уйдёшь», как ушёл отец, как уходили дети, которых забирали по ночам. Не понималось, что это - навсегда. Думалось, что все, кто уходит, однажды возвращаются. Она ждала мать. Она ждала отец. Она ждала те дети, которых уносили из комнаты. Но они не воз-

вращались. И только теперь, лёжа в этом тёплом, мягком свете, начинаешь смутно догадываться: может быть, те дети не ушли. Может быть, они просто... перестали быть. Но не хочется думать об этом. Не хочется знать. Хочется только чувствовать этот свет, это тепло, эту безопасность, которых никогда не было.

Что-то мягкое касается щеки - ткань, прохладная и гладкая, как лепесток утренней лилии, как вода, что течёт по гладким камням. Что-то лёгкое и тёплое укрывает тело - одеяло, но не то колючее, грубое, пропахшее плесенью и потом, под которым дрожала в приюте, а другое, почти невесомое, как облако, как пух одуванчика, как крыло ангела. Чувствуется его прикосновение к подбородку, к шее, к плечам - и это прикосновение не вызывает желания сжаться в комок, а наоборот - расслабляет, распускает каждый зажатый нерв, каждую застывшую мышцу, как вялый бутон, который наконец-то раскрывается под солнцем.

Неизвестно, сколько времени проходит, прежде чем наконец решаешься. Может быть, минута. Может быть, час. Может быть, целая вечность, потому что здесь, в этом свете, время течёт иначе - не давит, не торопит, не шепчет о скором конце. Оно просто есть, как текучая вода, как полуденный зной, как дыхание моря за окном.

Глаза открываются.

Белые простыни. Ослепительная, сияющая белизна, простирающаяся перед глазами, как бескрайнее снежное поле

под безлунной ночью, как облако, в котором можно утонуть, как чистый лист бумаги, на котором ещё ничего не написано - ни боли, ни страха, ни слёз. Гладкие, прохладные, с лёгким запахом лаванды, поднимающимся от них тонким, едва уловимым облачком, как утренний туман над озером. Рука тянется, проводит ладонью по простыне - ткань скользит под пальцами, шелковистая, невесомая, почти неосязаемая, как вода, как шёлк, как прикосновение ветра. Сжимается в кулаке - мнётся, собирается в мягкие складки, но как только пальцы разжимаются, ткань тут же расправляется, возвращаясь к своей первозданной гладкости, как живая, как дышащая.

Взгляд падает на руку. Помнится эта рука другой - грязной, с обломанными ногтями, с тонкими царапинами от колючей проволоки, с синевой под кожей от холода, не проходившей даже летом. Теперь рука чистая. Кожа на ней бледная, но не мертвенно-бледная, как у покойницы, а нежная, почти прозрачная, как фарфор, и сквозь неё просвечивают тонкие голубые жилки, похожие на реки на старой карте. Ладонь поворачивается, смотрится с другой стороны - ногти подстрижены ровно, аккуратно, в них нет грязи, нет крови, нет застарелой копоты.

Не помнится, чтобы кто-то заботился так. Даже мать, когда была жива, мыла в тазу с холодной водой, растирала жёсткой тряпкой, но никогда не стригла ногти - не было времени, не было сил, не было желания. Стриглись они сами,

зубами, когда начинали мешать и цепляться за одежду. Теперь они ровные, чистые, ухоженные - как у настоящей девочки, у которой есть дом, есть семья, есть будущее.

Рука подносится к лицу. Вдох. Пахнет мылом - не тем дешёвым, едким, от которого слезятся глаза, а каким-то другим, мягким, с тонким ароматом розы и ещё чего-то неуловимого, похожего на мёд и свежесть утра. Пальцы касаются щеки - кожа гладкая, чистая, на ней нет уже тех корок, которые годами покрывали лицо от холода и голода. Тепло собственного тела отражается от пальцев и возвращается обратно, как эхо, как подтверждение того, что ты жива.

Солнечный свет падает из окна. Льётся широкими, золотыми потоками, разбивается о белые стены, о белый потолок, о белое покрывало, заливая всё вокруг тёплым, янтарным сиянием. Свет не просто освещает - наполняет, пронизывает, растворяет границы между вещами, между тобой и этим пространством, между прошлым и настоящим. На стене танцуют блики - движутся медленно, плавно, как живые существа, как маленькие духи света, как отражения душ тех, кто когда-то здесь жил и был счастлив. Взгляд прослеживает их, и дыхание становится глубже, спокойнее, и напряжение, годами жившее в плечах, в спине, в челюсти, начинает потихоньку отпускать, таять, как снег под весенним дождём.

Тело переворачивается набок, чтобы лучше видеть окно, и понимаешь, что не хочешь отводить взгляд от этого зрелища. За окном - море. Бесконечное, сияющее, перелива-

ющеся всеми оттенками синего и голубого - от нежно-бирюзового у берега до глубокого, почти фиолетового у горизонта. Оно дышит - медленно, ритмично, мерно, и его дыхание слышно даже сквозь закрытое окно: мягкий, убаюкивающий шум волн, набегающих на скалы внизу и отступающих, оставляющих после себя белую, шипящую пену, похожую на кружево, на паутину, на следы чьих-то невидимых шагов. Чайки парят над водой, их крики звонкие, чистые, вплетаются в шум моря, как ноты в мелодию, как слова в молитву, как обещание в тишину.

Никогда не видела моря. В доме у реки была только река - широкая, медленная, с мутной водой и запахом тины. Думалось, что река - это самое большое, что есть в мире. Но море - другое. Бесконечное. Не имеющее края. Взгляд застывает на нём, и дыхание перехватывает. Кажется, что можно смотреть на него вечно. Вспоминается мать, её слова: «За рекой есть большой мир, Лира. Однажды ты увидишь его». Мать была права. Увидела. Но неизвестно, рада ли этому. Неизвестно, что ждёт за этим морем. Неизвестно, есть ли там кто-то, кто будет ждать.

Зелёные сады спускаются террасами к воде. Видны они сквозь оконное стекло - аккуратные ряды кустов, подстриженных так ровно, будто их вычертили по линейке; цветочные клумбы, вспыхивающие яркими пятнами: алые, жёлтые, фиолетовые, оранжевые, - и каждый цветок кажется живым, говорящим, каждый шепчет что-то на языке, которого не

знаешь, но сердцем понимаешь. Где-то там, внизу, искрится фонтан - тонкая струя воды взлетает вверх и разбивается на тысячи сверкающих брызг, оседающих на листьях, как роса, как слёзы радости, как драгоценные камни, рассыпанные щедрой рукой. Деревья - высокие, с густыми, зелёными кронами, колышущимися от лёгкого ветра, - стоят ровными рядами, как стражи, как часовые, охраняющие этот райский сад от всего злого, что есть в мире.

Идеально. Всё здесь идеально. Как на картинке, виденной однажды в старой, потрёпанной книге, найденной на помойке возле рынка. Тогда, сидя в грязном подвале, прижавшись к Михелю, сжимая его холодную руку, смотрела на эту картинку и не верила, что такие места существуют. Думалось, что это - выдумка, сказка, ложь, которую придумали люди, чтобы сбежать от реальности, чтобы не смотреть в глаза голоду и смерти. Не верилось, что когда-нибудь увидишь что-то подобное своими глазами.

И вот оно. Перед тобой. Настоящее. Живое. Осязаемое. Не верится, что это реально.

Тело переворачивается на спину, взгляд устремляется в белый потолок, где по гладкой, отполированной до зеркального блеска поверхности плывут солнечные зайчики - перекатываются, как живые монетки, как маленькие золотые рыбки в прозрачной воде. Смотрятся на них, и кажется, что они тоже смотрят в ответ, знают что-то, чего не знаешь ты, что-то важное о том, что случится дальше.

Мысли путаются: «Где я? Что это за место? Почему я здесь?» Не помнится, как попала сюда. Помнится только темнота, холод, страх. Помнится, как схватили, как кричала, как тащили куда-то. Помнится лицо Михеля, кричащего имя, и как его голос становился всё тише, пока не исчез совсем. Помнится, как заперли в какой-то комнате, как плакала, как сжимала камень на шее и молилась, чтобы всё это оказалось сном. И теперь - здесь. В этом свете. В этом тепле. Неизвестно, что это значит. Неизвестно, хорошо это или плохо. Известно только одно: ты жива. И не хочешь умирать.

Рука медленно поднимается и касается стены. Стена - тёплая, гладкая, отполированная, как мрамор, и от неё исходит лёгкое, едва уловимое тепло, как от живого существа. Пальцы проводят по поверхности, чувствуя каждую неровность, каждую микроскопическую выпуклость, каждую пору в материале. Стена отвечает - она не просто мертвый камень, а что-то живое, что-то, что помнит все прикосновения, все взгляды, все слёзы, которые здесь проливались. Подушка - упругая, мягкая, и её наволочка прохладная с одной стороны, как будто её только что перевернули, как будто кто-то невидимый заботится, поправляет постель, пока спишь. Щека прижимается к ней - и чувствуется тонкий, свежий аромат: что-то цветочное, неуловимое, похожее на полевые травы и мёд, на рассвет в горах и на первый дождь после засухи.

Одеяло - пушистое, тёплое, лёгкое, как облако, как первый снег, ещё не успевший слежаться. Укрывает, согревает,

но не давит, не душит, не заставляет задыхаться от тяжести - не то что те грубые, колючие покрывала в приюте, натиравшие кожу до крови и не дававшие согреться даже в самые холодные ночи, когда ветер задувал сквозь щели в стенах и мороз проникал в самые кости. Зарываешься в него глубже, чувствуя, как мягкие волокна касаются лица, пахнут лавандой и покоем, обнимают со всех сторон, как тысяча невидимых рук, которые хотят только одного - чтобы ты была в безопасности.

Тело - измученное, худое, истерзанное голодом, холодом и постоянным страхом тело - впервые за долгие-долгие годы не чувствует боли.

Прислушиваешься к себе, к каждому суставу, к каждой мышце, к каждому нерву - и не находишь ни одного места, которое болело бы. Не болит спина от жёстких досок, на которых спала, свернувшись калачиком, чтобы сохранить хоть немного тепла. Не ноют колени от постоянного холода, проникавшего сквозь тонкую одежду и застывавшего в костях, как ледяные иглы. Не сводит живот от голода - тот самый мучительный, рвущий спазм, не дававший заснуть, заставлявший кусать подушку, чтобы не закричать, бывший постоянным спутником так долго, что уже забылось, каково это - не чувствовать его. Тепло, мягкость, свет - и кажется, что паришь. Что тело стало невесомым, что оно больше не приковано к земле гравитацией страданий, что оно свободно, как птица, как лист на ветру, как облако в безоблачном небе.

Глаза закрываются, и позволяется себе просто быть. Просто существовать. Без борьбы, без усилий, без постоянно-го напряжения, требовавшегося каждый миг, чтобы выжить. Дыхание становится ровным, сердце бьётся спокойно и размеренно, кровь течёт по венам, разгоняя тепло по всему телу. Чувствуешь себя ребёнком. Настоящим ребёнком, каким никогда не была. Тем, кого баюкают, кого лелеют, кого любят просто за то, что он есть.

И в этой тишине, в этом покое - стук в дверь.

Три тихих удара. Не громких, не требовательных, не тех, которыми выбивают двери в приюте, когда приходят за очередным ребёнком, чтобы отвезти его в неизвестность. Не тех, которыми стучат полицейские, когда обыскивают подвал, не тех, которыми ломаются пьяные мужчины, когда ищут, кого бы пнуть или украсть. Эти удары - вежливые, аккуратные, почти застенчивые, как прикосновение бабочки к стеклу. Просто три мягких постукивания, как напоминание, как приглашение, как вопрос: «Можно войти? Вы готовы? Мы здесь, чтобы помочь вам».

Вздрагиваешь.

Не от страха - страх покинул тело вместе с болью, оставив только лёгкую, тонкую настороженность, как след от снятого бинта. Вздрагиваешь от удивления. От того, что кто-то стучится, прежде чем войти. От того, что кто-то считает нужным предупредить о своём присутствии. От того, что кто-то проявляет уважение, которого никогда не знала.

Не привыкла к вежливости. Вежливость была для других - для тех, у кого была семья, у кого был дом, у кого было имя. Для тебя - только приказы, только крики, только равнодушные взгляды, скользящие по тебе, как по пустому месту. Не знаешь, как реагировать на вежливость. Не знаешь, что говорить, как поворачивать голову, как складывать руки. Чувствуешь себя неуклюжей, неловкой, как дикий зверёк, которого впервые погладили, и он не знает, укусить или прижаться.

Дверь открылась и в комнату вошла девочка. Примерно того же возраста - или чуть старше, на год или два, - в аккуратном белом фартуке, накрахмаленном до хруста, сверкающем на солнце, и светло-голубом платье, струящемся при каждом движении, как вода. Волосы русые, заплетены в две тугие косы, лежат на плечах, как две змейки, как две реки, как два пути, сошедшиеся в одной точке. Улыбка - добрая, тёплая, открытая, как дверь в летний сад. В руках - серебряный поднос, от которого по комнате распространяется дивный, головокружительный аромат. Он проникает в ноздри, и желудок сжимается - но не от боли, а от предвкушения. От того, что тело, так долго не знавшее сытости, вдруг вспоминает, что такое еда. Настоящая еда. Тёплая, свежая, живая.

«Доброе утро, госпожа, - говорит девочка. Голос звонкий, чистый, как колокольчик, как ручей в горах, как смех ребёнка на качелях. - Наставница Грейс ждёт вас после завтрака. Сказала, что вы можете не торопиться. Отдохните, поешьте,

наберитесь сил. Когда будете готовы, я провожу вас».

Поднос ставится на небольшой белый столик у окна. Салфетка поправляется - ложится ровно, под идеальным углом, как будто её вымерили линейкой. Улыбка - ещё раз, ещё шире, ещё теплее. И девочка выходит, бесшумно закрыв за собой дверь. Шаги затихают в коридоре. Тишина.

Взгляд задерживается на двери, которая только что закрылась. В памяти всплывает, как в приюте «Серый Камень» дверь никогда не открывалась без стука - потому что стучать было некому. Там входили без предупреждения, без разрешения, без уважения. Там дверь распахивалась с грохотом, и в проёме появлялись надзиратели, их лица были серыми, как стены, их глаза - пустыми, как тарелки, с которых ели кашу. Они смотрели сквозь детей, как сквозь пустое место. Они не стучали. Они не спрашивали. Они просто входили и забирали тех, кто был нужен. А потом дверь закрывалась, и за ней - тишина. Та тишина, что наступает после того, как кого-то забрали навсегда. Теперь дверь закрылась иначе - мягко, почти ласково, как будто её закрывал кто-то, кто заботится, кто не хочет причинять боль. И эта разница - между тем, что было, и тем, что есть, - режет острее, чем любой звук. Хочется верить, что здесь всё будет по-другому. Хочется верить, что дверь, которая только что закрылась, откроется снова, и за ней будет кто-то, кто не заберёт, а даст. Но внутри, там, где живёт страх, тихо шевелится мысль: «А вдруг это такая же ловушка? А вдруг они просто ждут, когда ты согласишься, рас-

слабишься, перестанешь бояться - и тогда придут?»

Взгляд на столик. Серебряный поднос сияет в солнечных лучах, отражая их, как зеркало, как поверхность озера, как глаза девочки, только что смотревшие на неё. Белая фарфоровая тарелка с золотым ободком. На ней - тёплый, румяный хлеб, разрезанный на аккуратные ломтики, каждый толщиной с палец, каждый с золотистой корочкой, лоснящейся от масла. Рядом - маленький кувшинчик с молоком, такой белый, что кажется, будто он сделан из того же света, что льётся из окна. Масло в серебряной маслёнке, уже начинающее таять, расплывающееся по краям янтарной лужицей. Яйца, сваренные всмятку, в изящных подставках из того же белого фарфора. И чашка, из которой поднимается тонкий, прозрачный пар, завиваясь в причудливые спирали, пахнущие чаем, мёдом и чем-то ещё - травами, может быть, или цветами.

Запах хлеба - он проникает глубже, чем просто в лёгкие. Он проникает в память. В доме у реки мать тоже пекла хлеб. Она вставала затемно, когда солнце только начинало золотить горизонт, и в доме появлялся этот запах - тёплый, живой, обещающий. Он просыпался вместе с ней, он звал её на кухню, где мать стояла у печи, вытирая руки о передник. Иногда она давала Лире маленький кусочек теста - сырого, липкого, сладковатого на вкус. Лира помнит этот вкус до сих пор. Она помнит, как сидела на крыльце, жуя этот кусочек, и смотрела, как река течёт мимо. Как мать улыбалась ей из

окна, и её руки были в муке, и она казалась такой уставшей, но счастливой. А потом всё кончилось. Мать ушла. И этот запах исчез из её жизни - до сегодняшнего утра. Теперь он вернулся. Он лежит перед ней, тёплый, живой, настоящий. И она боится прикоснуться к нему, потому что боится, что он исчезнет, как исчезло всё остальное.

Неподвижность. Колени обхвачены руками, тело сжато в комок. Взгляд на эту еду - как на мираж, как на призрак, как на видение, которое вот-вот исчезнет, если моргнуть. Глаза зажмуриваются, счёт до трёх - как делалось всегда, когда хотелось проверить, не спишь ли. Открываются. Еда всё ещё там. Не исчезла. Не растаяла. Реальна, осязаема, тепла - видно, как от хлеба поднимается пар, как масло поблёскивает на его поверхности.

Мысль приходит неожиданно, остро, как заноза, как осколок стекла, застрявший в пальце: «А если это ловушка?» Вспоминается приют, где еду иногда давали, чтобы потом наказать, чтобы потом унижить, чтобы потом отобрать и выбросить в грязь, глядя, как дети плачут. Вспоминается, как однажды мальчик по имени Томас съел кусок хлеба, который ему дали, и его заперли в подвале на три дня за то, что взял его без разрешения. Вспоминается, как научилась не смотреть на еду, не облизываться, не показывать, что хочешь есть, потому что любое проявление желания было слабостью, а слабость наказывалась. Но здесь нет никого, кто бы смотрел с насмешкой. Нет никого, кто бы ждал, когда ошибёшься.

Есть только ты, только этот свет, только этот поднос, и тишина, и покой. И запах хлеба, проникающий в каждую клеточку, зовущий, манящий, шепчущий: «Ешь. Ты жива. Ты имеешь право». И в этом шёпоте слышится что-то знакомое. Не голос - ощущение. То самое, что чувствовалось, когда мать гладила по голове перед сном. То самое, что чувствовалось, когда камень на шее пульсировал в такт сердцу, согревая в самые холодные ночи. То самое, что говорило: «Ты не одна. Я здесь». И хотя мать далеко, хотя Михеля больше нет рядом, хотя прошлое осталось там, за стенами этого белого замка, это ощущение - оно здесь. Оно внутри. Оно не ушло.

Тело медленно поднимается с кровати. Ноги касаются гладкого, тёплого пола - деревянного, покрытого лаком, блестящего, как зеркало, как поверхность тёмной воды в лунную ночь. Ступни утопают в этом тепле, оно поднимается вверх, к коленям, к бёдрам, к животу. Шаг, потом ещё один. К столу. Сердце бьётся где-то у горла, кровь шумит в ушах, руки дрожат - прячутся в складки ночной рубашки, белой, тонкой, почти прозрачной, которую не заметила на себе, пока не встала. Остановка перед столом. Взгляд вниз. Хлеб лежит перед ней, такой близкий, что можно коснуться рукой. Рука протягивается, но замирает в дюйме от него - боязнь прикоснуться, боязнь разрушить этот момент, боязнь, что он исчезнет, как исчезают утренние сны, когда просыпаешься. Пальцы дрожат - тонко, мелко, как листья на ветру, как струны, по которым ударили. Сжимаются в кулак, разжимаются,

снова сжимаются - попытка успокоиться, попытка убедить себя, что это правда.

Вспоминается, как воровала хлеб на рынке. Как прятала его под рубашку, прижимала к животу, чувствуя, как он греет своим теплом. Как бежала с ним в переулочек, где можно было спрятаться, где никто не видел, как ест. Как отрывала кусочки и проглатывала их почти не жуя, потому что боялась, что кто-то отнимет у неё эту еду. Как чувствовала себя вором, животным, чем-то грязным и недостойным. Теперь хлеб не нужно воровать. Он лежит перед ней на серебряном подносе, на белой фарфоровой тарелке, и никто не отнимет его. Но она всё равно боится. Она боится, что если она возьмёт его, если она съест его, то это будет означать, что она принимает этот мир, что она верит ему, что она перестаёт бояться. А она знает, что нельзя переставать бояться. Потому что если перестать бояться, можно перестать быть готовой. А если не быть готовой, можно умереть.

Пальцы смыкаются на тёплой корочке. Хлеб подносится к лицу - вдох. Запах свежего теста, печи, мёда и масла, запах, не помнившийся с тех пор, когда была совсем маленькой, когда мать ещё пекла хлеб по воскресеньям. Глаза закрываются, и этот запах позволяет наполнить себя, пройти через себя, очистить изнутри, как ветер очищает застойный воздух. В этом запахе - всё. И дом у реки, и мамины руки, и утро, когда солнце только вставало, и надежда, которую она так долго искала и не могла найти. Она чувствует, как внутри

неё что-то отпускает. Что-то, что было сжато так долго, что она уже забыла, каково это - не сжиматься. Она чувствует, как слёзы подступают к глазам, но она не позволяет им течь. Она хочет запомнить этот момент. Запомнить его так, чтобы никогда не забыть. Чтобы, если всё это снова исчезнет, у неё осталось хоть что-то, что она могла бы вспомнить. Хоть что-то, что было настоящим.

Такой хлеб не елся никогда. Тот хлеб, что крался на рынках, был чёрствым, засохшим, его невозможно было жевать без воды - размачивался в лужах, когда никто не видел. Тот хлеб, что давали в приюте, был серым, липким и отдавал плесенью, пах сыростью и затхлостью, оставлял после себя горький привкус на языке, не проходивший часами. Тот хлеб, что выменивался на последнюю монету, был чёрным, как земля, и твёрдым, как камень - зубы болели, когда пыталась откусить. Этот - другой. Этот - настоящий. Этот - как в сказке.

Тёплая, мягкая мякоть тает на языке, золотистая корочка хрустит между зубами, издавая тот самый звук, который слышался в мечтах, когда представлялся настоящий хлеб. Жевание медленное, старательное, почти благоговейное - попытка запомнить каждую секунду этого мгновения, каждый вкус, каждое ощущение, каждую частицу тепла, расходящуюся по телу. Тёплый хлеб с маслом - масло тает на языке, оставляя после себя бархатистый, сливочный, слегка солоноватый вкус, смешивающийся со сладостью теста и создающий симфонию, которой никогда не слышала. Яйца - жидкий, золо-

тистый желток вытекает на хлеб, пропитывает его, делает ещё мягче, ещё нежнее, и кусочек макается в этот желток, как делают счастливые дети в книгах, и чувствуется, как это сочетание - хлеб, масло, яйцо - становится первым настоящим воспоминанием о счастье. Чай с мёдом - сладкий, терпкий, с лёгким привкусом трав и лимона, - обжигает губы, но боль не замечается, потому что эта боль - приятная, живая, настоящая. Не помнится, когда в последний раз ела что-то горячее и свежее. В памяти - только серая, вязкая каша, которую заставляла себя глотать, давясь, потому что знала: если не съесть, силы уйдут, и умрёшь. Только чёрствые корки, отмачиваемые в воде, чтобы сделать мягче, и всё равно царапавшие горло. Только суп, даваемый раз в неделю, - жидкий, с плавающими кусочками неизвестно чего, но пившийся, как нектар, как единственное спасение. А это - как откровение. Как причастие. Как крещение в реке молока и мёда.

И когда последний кусочек хлеба исчезает, когда тарелка становится пустой, а чашка - сухой, наступает тишина. Не та тишина, что пугает. А та, что говорит: «Всё хорошо. Ты сделала это. Ты можешь». Сидение, глядя на пустую тарелку, и чувствуется, как тело наполняется теплом. Настоящим, живым теплом. Не тем, что было в приюте, когда сжималась в комок, пытаясь сохранить хоть немного тепла. А другим. Глубоким. Идущим изнутри. Как будто наконец-то согрелась. Как будто наконец-то жива. И в этой тишине, в этом тепле, позволяется себе поверить. Поверить, что это -

не сон. Что это - реальность. Что ты - здесь. Что ты - жива. Что ты - можешь быть счастлива. Что ты - имеет право. И эта вера - ещё хрупкая, ещё робкая, ещё боящаяся, что её разобьют, - начинает расти внутри, как тот самый цветок, который когда-то погубила случайным прикосновением. Только теперь не хочется его губить. Хочется, чтобы он рос.

Слёзы текут по щекам, но теперь они другие. Не слёзы страха. Не слёзы боли. Слёзы облегчения. От того, что жива. От того, что здесь. От того, что можно дышать полной грудью и не бояться, что следующий вдох будет последним. Вспоминается мать. Бледное лицо, запавшие глаза, руки, дрожавшие, когда гладили по голове в последний раз. «Ты сильная, Лира, - сказала тогда, и голос был тихим, как шёпот ветра, как треск умирающего огня. - Ты сильнее, чем думаешь. Ты не проклятие, ты дар. Ты можешь быть счастливой. Ты должна быть счастливой. Ради меня». Не понимались тогда эти слова. Думалось, что мать просто говорит то, что говорят все, кто уходит, чтобы утешить себя, чтобы оставить после себя какую-то надежду. Теперь начинаешь верить. «Наверное, мама была права, - думается, пока последний кусочек хлеба согревает изнутри. - Наверное, есть что-то хорошее. Наверное, мир не только боль и страх. Наверное, я могу быть счастлива. Наверное, я могу жить. По-настоящему жить, а не просто выживать».

Тепло разливается по телу. Желудок, впервые за долгие годы, наполняется не болью и спазмами, не пустотой и тош-

нотой, а чем-то тёплым, сытным, животворным. Силы возвращаются - медленно, осторожно, но уверенно, как вода возвращается в пересохшее русло, как зелень возвращается на выжженную землю, как свет возвращается после долгой ночи. Тело откидывается на спинку стула. Взгляд в окно. Море по-прежнему сияет внизу. Чайки по-прежнему кружат над водой, их крики по-прежнему вплетаются в шум волн. Сады по-прежнему цветут, фонтан искрится, деревья шумят на ветру. И мир кажется теперь не просто красивым, а родным. Как будто он всегда ждал. Как будто он знал, что придёшь. Как будто он создан для неё, именно для неё, для той девочки, которая выжила вопреки всему.

И в этой улыбке, которая появляется на лице - не просто радость. В ней - удивление. Удивление от того, что можно чувствовать себя так. Что можно не бояться. Что можно просто быть. Что можно дышать полной грудью и не ждать удара. Что можно улыбаться, и никто не ударит за это. Что можно быть счастливой - и это нормально. Это правильно. Это то, что должно быть.

Тело встаёт, подходит к окну, ладонь касается прохладного стекла. Стекло гладкое, чистое, в нём отражается лицо - бледное, худое, с большими глазами, смотрящими с удивлением, как будто видят себя впервые. Не узнаётся себя. Помнится другое лицо - грязное, с синяками под глазами, с потрескавшимися губами, с волосами, спутанными в колтуны. Это лицо - чистое, спокойное, почти красивое. Взгляд на

него - и не верится, что это ты. Сколько себя помнишь - всегда было страшно. Всегда было холодно. Всегда было голодно. Всегда было больно. А теперь - тепло. Сытость. Покой. И непонятно, как на это реагировать. Непонятно, можно ли этому верить. Непонятно, не исчезнет ли это, как исчезает утренний сон, когда просыпаешься. Но хочется верить. Хочется, чтобы это было правдой. Хочется, чтобы это никогда не кончалось.

Море сияет внизу. Бесконечное, как сама жизнь, как будущее, лежащее теперь перед тобой, открытое и манящее. Чайки кричат над головой, их крики звучат как обещание, как голос свободы, зовущий за собой. И где-то далеко, за горизонтом, прячется прошлое - холод, голод, страх, боль. Оставляется оно там, в этом прошлом. Прячется, как ненужная вещь, которую больше никогда не наденешь. Как старая, рваная одежда, носившаяся годами, а теперь выброшенная, потому что есть новая.

Поворот к двери. За ней - новая жизнь. За ней - обещание. За ней - надежда. Но тело не может заставить себя встать, не может заставить себя сделать тот самый первый шаг, отделяющий от всего, что было раньше. Сидение, колени обхвачены руками, солнечный свет ласкает спину, ветерок из приоткрытого окна касается волос, запах цветов и моря проникает в каждую клеточку. Страх. Не панический, острый, знакомый так хорошо - тот сжимал горло, лишал дыхания, заставлял сердце биться где-то в ушах. Этот страх другой.

Тихий, вязкий, живущий в костях, в мышцах, в том месте, где пустота встречается с надеждой. Шёпот: «А если это не для тебя? А если не справишься? А если они увидят, что ты - пустая, и отправят обратно?»

Вспоминается приют. Вспоминается, как сидела в углу и смотрела на стену. Как ждала, когда придут за ней. Как боялась, что её сочтут бесполезной и заберут, как забирали других. Как научилась быть незаметной, быть тенью, быть никем. И теперь - этот свет. Это тепло. Эта еда. Эта улыбка. И непонятно, можно ли доверять этому. Непонятно, не исчезнет ли всё это, если сделать не тот шаг. Если сказать не то слово. Если быть собой.

Взгляд на руки. Чистые. Ногти подстрижены. Кожа на пальцах гладкая, без трещин, без мозолей, без той грязи, что въелась так глубоко, что, казалось, не отмыть никогда. Пальцы проводят по запястью - пульс бьётся под тонкой кожей ровно, спокойно. Ты жива. Ты здесь. Ты - реальна. Камень на шее - тёплый. Пульсирует в такт сердцу. Напоминает, что ты не одна. Что есть что-то, что держит тебя. Что-то, что не даёт упасть. Что-то, что говорит: «Иди. Не бойся. Ты справишься».

Тело медленно поднимается с кровати. Ноги касаются тёплого пола. Шаг к двери, чувствуя, как каждый шаг приближает к чему-то неизвестному. Рука ложится на ручку - металл прохладный, гладкий. Задержка на мгновение, глубокий вдох. Дверь открывается.

Коридор пуст. Солнечный свет струится из высоких окон, оставляя на полу золотистые прямоугольники, в которых танцуют пылинки, как маленькие живые существа. Тишина - не та тяжёлая, гнетущая тишина подвалов, давившая на уши и заставлявшая слышать собственное сердцебиение как барабанную дробь. Эта тишина - лёгкая, прозрачная, течёт, как вода, как воздух, как дыхание. Неизвестно, куда идти. Неизвестно, где находится кабинет Грейс. Стояние посреди коридора, пальцы теребят край платья. Чувство потерянности - не как у ребёнка, заблудившегося в лесу, а как у путника, вышедшего из тьмы и не знающего, в какую сторону идти, потому что солнце светит со всех сторон одинаково ярко.

Вспоминается, как стояла в коридоре приюта в первый день. Тоже было ощущение потерянности - но другое. Тогда знала, что за каждой дверью - опасность. Что за каждым углом - надзиратели, которые будут бить, если увидят. Что каждый звук - это предупреждение. Теперь не знаешь, что за дверями. Не знаешь, кто там. Не знаешь, чего ждать. И это незнание - оно пугает больше, чем знание, потому что когда знаешь, что тебя ждёт, можно подготовиться. А когда не знаешь - ты беззащитна. Ты стоишь в этом белом, бесконечном коридоре и чувствуешь себя так же, как тогда, когда впервые попала в приют. Только тогда была маленькой. А теперь - старше. Сильнее. Ты выжила. И ты справишься. Ты должна справиться.

И вдруг - шаги. Ровные, размеренные, приближающиеся

из глубины коридора. Сердце ускоряется. Поворот - и видится девочка с русыми косами, та самая, что приносила завтрак. Идёт с той же ровной, спокойной улыбкой на лице, и в руках у неё не поднос, а что-то другое - свёрток, перевязанный белой лентой.

«Госпожа, - говорит девочка, останавливаясь перед ней. Голос мягкий, как колокольчик. - Наставница Грейс ждёт вас. Я провожу вас к ней. Но сначала - вот, это для вас».

Свёрток протягивается. Лёгкий, мягкий, под пальцами - ткань, гладкая, прохладная, как вода. Лента развязывается, свёрток раскрывается - платье. Белое. Простое, но красивое, с тонким кружевом на вороте и длинными рукавами, заканчивающимися манжетами. Пахнет лавандой и чем-то ещё - свежестью, чистотой, началом.

«Наставница Грейс сказала, что вы не можете идти к ней в старой одежде, - говорит девочка. - Сказала, что вы должны начать новую жизнь с чистого листа. Велела мне помочь вам переодеться».

Взгляд на платье - и слёзы снова подступают к глазам. Не плакала так много никогда - или, может быть, плакала, но так давно, что забыла, каково это. Чувство глупости, слабости, неблагодарности - люди здесь так добры, а ты только и можешь, что плакать. Но остановиться нельзя. Потому что это платье - не просто одежда. Это - символ. Это - обещание того, что ты больше не та девочка, что дрожала в грязи и холоде. Это - начало.

Вспоминается, как в приюте одежда была серой, одинаковой, безликой. Как все дети были одинаковыми - серыми тенями на сером фоне. Как нельзя было выделяться, потому что выделяться - значит привлекать внимание, а внимание - это опасность. И теперь - белое. Чистое. Светлое. Как будто можно быть собой. Как будто можно не прятаться. Как будто можно просто быть.

Девочка помогает переодеться. Аккуратно, быстро, с той лёгкостью, что говорит о привычке. Руки тёплые и уверенные. Старая, грязная одежда соскальзывает с плеч - отпадает что-то тяжёлое, что-то, носившееся так долго, что уже не помнилось, что это не часть тебя самой. Новое платье ложится на тело мягко, как второе дыхание, как новый слой кожи, ещё не знакомый, но уже любимый. Кружево касается шеи, рукава обнимают запястья. Чувство - впервые в жизни - красоты. Не той девочки из подвала, не той нищенки, не той, кого били и унижали, а кем-то другим. Кем-то, у кого есть будущее.

«Теперь вы готовы», - говорит девочка, отступая на шаг и оглядывая с одобрительной улыбкой. Кивает, как будто ставит печать на новой жизни. - «Пойдёмте, госпожа. Наставница Грейс не любит ждать».

Путь по коридору. Ноги - теперь обутые в лёгкие белые туфли, которые девочка тоже принесла, - ступают по тёплому полу мягко, почти беззвучно. Платье струится вокруг, лёгкое, как облако, касается щиколоток, шепчет о чём-то важ-

ном. Неизвестно, что это - магия или просто ткань, и всё равно. Важно только то, что ты больше не та Лира. Важно только то, что ты идёшь в новую жизнь.

Коридор извивается, как река, то расширяясь, то сужаясь, то открывая взгляду новые пространства, новые залы, новые двери. Взгляд по сторонам - и невозможно надышаться этим миром: белые стены, золотые рамы, картины, кажущиеся живыми, вазы с цветами, распускающимися и закрывающимися в такт дыханию, высокие окна, через которые льётся свет. Чувство себя маленькой и большой одновременно - маленькой рядом с этим великолепием, и большой, потому что ты здесь, потому что идёшь по этому коридору, потому что ты - часть этого мира.

Вспоминается, как в приюте коридоры были серыми, холодными, с голыми стенами, на которых не было ни картин, ни цветов. Как каждый шаг отдавался эхом, как будто шёл не один, а с тобой - тени тех, кого уже нет. Как боялась идти по ним, потому что не знала, что ждёт за поворотом. А здесь - светло. Здесь - красиво. Здесь - не страшно. И это удивляет. Это пугает. Это заставляет верить, что, может быть, всё будет по-другому. Может быть, здесь можно не бояться.

Остановка перед массивной дверью из тёмного дерева, резной, с узорами, переливающимися и движущимися - виноградные лозы обвивают стволы деревьев, птицы взлетают с веток, рыбы ныряют в воду, и всё это живёт, дышит, движется, как будто у двери есть своя душа. Девочка стучит - три

тихих удара, вежливых, аккуратных, - и дверь открывается сама, без звука, как будто кто-то невидимый ждал за ней.

«Входи», - говорит голос изнутри. Тёплый, но серьёзный, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много говорит и ещё больше слушает.

Порог переступается.

Кабинет Грейс не похож на ту комнату, где проснулась. Здесь тоже белые стены и высокие окна, но атмосфера другая - более сдержанная, более формальная. Вдоль стен - высокие шкафы, заполненные книгами, старыми, с кожаными переплётами, с золотыми корешками, переливающимися в солнечном свете. На письменном столе - стопка бумаг, чернильница, несколько перьев и предмет, который невозможно сразу опознать - стеклянная сфера, в которой мерцает голубоватый свет, как живое сердце.

Грейс сидит за столом. Не старая, но и не молодая - возраст трудно определить, как трудно определить возраст старого дуба или горного ручья. Седые волосы, собранные в строгий пучок, и глаза - светлые, пронизательные, смотрящие прямо в душу, не отводя взгляда. Длинное тёмное платье, без украшений, но сотканное, кажется, из самой тишины, из самого света, из самой мудрости.

«Садись, Лира, - говорит, указывая на стул перед столом. Голос спокойный, ровный, как гладь озера. - Мы должны поговорить».

Стул жёсткий, но удобный, его спинка касается спины,

поддерживая, удерживая. Руки кладутся на колени, как учили в приюте, когда приходили проверяющие. Ожидание. Неизвестно, что Грейс скажет. Неизвестно, чего ждут. Просто ожидание.

Грейс смотрит долго, внимательно, и в этом взгляде нет ни осуждения, ни любопытства, ни того холодного оценивания, что видела в глазах учителей, когда коснулась книги. Другой взгляд. Мягкий, но внимательный, как у врача, осматривающего пациента, или как у садовника, смотрящего на только что посаженное растение, пытающегося понять, приживётся ли оно.

«Ты, наверное, не понимаешь, где ты оказалась, - говорит Грейс наконец. Голос течёт медленно, как патока, но в нём нет слабости. - Ты знаешь, что ты в Академии. Ты знаешь, что здесь учатся дети с особенными дарами. Но ты не знаешь, что это за дары, и как они работают, и почему ты здесь».

Молчание. Неизвестно, что сказать. Пальцы сжимают подол нового платья, ткань мнётся под ними, и заставляется себя разжать их, чтобы не порвать его, не испортить тот подарок, что сделали.

«Я знаю, что ты чувствуешь, - говорит Грейс, наклоняясь вперёд и кладя руки на стол. Пальцы длинные, тонкие, с бледной кожей, как у пианистки. - Ты думаешь, что ты - ошибка. Что ты не должна быть здесь. Что ты не справишься. Но это неправда. Ты здесь, потому что мы видели, что ты можешь быть больше, чем просто пустота. Ты здесь, потому

что мы чувствуем, что в тебе есть что-то... необычное. Что-то, что мы не можем объяснить. Что-то, что не укладывается в наши привычные категории. Мы не знаем, что это. Но мы знаем, что это - не ошибка. Это - начало чего-то нового».

Лира слушает и не понимает. «Что-то необычное»? «Что-то, что не укладывается»? Она не знает, о чём говорит Грейс. Она не знает, что у неё есть дар. Она не знает, что в ней живёт что-то, что может забирать чужую жизнь. Она помнит только, как в приюте её называли «пустышкой», как проверяющие смотрели на неё и качали головами, как они говорили: «Никакого дара. Пустая. Как и большинство». Она помнит, как учительница с холодными пальцами касалась её лица и говорила: «Пустышка». Она помнит, как боялась, что её заберут, как боялась, что она - ошибка. И теперь Грейс говорит ей, что она - не ошибка. Что в ней есть что-то. И это что-то - новое. Непонятное. Необъяснимое. И это пугает её больше, чем слова «пустышка». Потому что пустышка - это ничего. А что-то - это неизвестность. А неизвестность - это страх.

«Я не знаю, что во мне, - говорит Лира. Голос тихий, но твёрдый. Она смотрит на Грейс, и в её глазах - вопрос, который она боится задать. - Я не знаю, что это за «что-то». Я ничего не чувствую. Я ничего не умею. Я просто... девочка. Обычная девочка. Которая ничего не может».

Она говорит это, и внутри неё шевелится что-то. Не голос. Не чувство. Что-то другое. Что-то, что она не может объяснить. Она вспоминает цветы у реки, которые вяли под

её пальцами. Она вспоминает пса Ветку, который боялся её. Она вспоминает, как в приюте дети, которые били её, вдруг становились слабее, как будто из них что-то уходило. Она не понимала тогда, что это значит. Она не понимает и сейчас. Но она чувствует, что это связано с тем «что-то», о котором говорит Грейс. И это пугает её. Потому что она не знает, что это. И она не знает, сможет ли она контролировать это. И она не знает, сможет ли она остановить это, если оно выйдет наружу.

Грейс улыбается. Тепло. Мягко. Как будто она понимает. Как будто она знает, что Лира чувствует. «Ты не должна ничего знать сейчас, Лира. Ты не должна ничего уметь. Ты пришла сюда, чтобы учиться. Чтобы понять, кто ты есть. Чтобы найти свой путь. И я помогу тебе в этом. Мы все поможем тебе. Ты - не одна. Ты - часть нашей семьи. И мы никогда не оставим тебя».

Слово «семья» пронзает, как игла. Вспоминается мать. Вспоминается Михель. Вспоминается, как они называли себя семьёй, как они держались друг за друга, как они обещали никогда не расставаться. И как они исчезли. Как мать умерла. Как Михеля забрали. Как она осталась одна. И теперь - новая семья. Новые обещания. И непонятно, можно ли верить им. Непонятно, не исчезнут ли они, как исчезли все остальные. Но хочется верить. Хочется, чтобы это было правдой. Хочется, чтобы эта семья была настоящей.

Грейс встаёт из-за стола и подходит к окну. Свет окуты-

вает её, делая фигуру почти прозрачной, почти нереальной, как видение. Смотрит в сад, на море, на небо, и голос, когда говорит, кажется частью этого света, частью этого ветра.

«Сегодня у тебя будет первый урок. Учитель покажет тебе, как работает магия в этом мире. Ты коснёшься книги, которая хранит в себе знания. Но не бойся, если у тебя не получится с первого раза, - говорит, оборачиваясь. - Это нормально. Это только начало. Я не жду от тебя чуда. Я просто жду, что ты будешь стараться. Потому что те, кто старается, в конце концов всегда добиваются своего».

Проходит мимо, касается плеча - лёгкое прикосновение, почти невесомое, но от него по всему телу разливается тепло. Как будто Грейс передала частичку своей уверенности. Как будто благословила на этот путь.

«Ты готова?» - спрашивает Грейс.

Медленный кивок. Неизвестно, готова ли, но известно, что должна идти. Что не может оставаться здесь. Что должна попробовать.

«Хорошо, - говорит Грейс. - Тогда иди. Тебя ждут».

Тело встаёт. Ноги слегка дрожат, но шаг вперёд, потом второй, третий. Путь к двери, на спине - взгляд Грейс, тёплый и серьёзный одновременно. Когда дверь достигается и ручка поворачивается, голос Грейс настигает, мягкий, как шёпот:

Коридор встречает светом и тишиной. Лира шла по нему, и новые туфли мягко ступают по тёплому мрамору. Платье струится вокруг ног, лёгкое, как облако, как обещание. Девочка с русыми косами идёт впереди, чуть быстрее, чем нужно, но каждый раз, когда Лира замедляется, она тоже замедляется, оглядывается, улыбается. Не торопит. Не дёргает за руку. Просто ждёт. Как будто у неё есть время. Как будто у них обеих есть время.

В приюте никто никогда не ждал. Там всё было на скорость - еда, сон, перемещения по коридорам. Если ты отставал, тебя толкали. Если ты падал, тебя обходили. Если ты не успевал, тебя били. Там никто не оглядывался, чтобы проверить, идёшь ли ты. Там никто не улыбался, когда ты догонял. Там ты был один, даже когда вокруг были другие. А здесь - эта девочка ждёт. Она смотрит на Лиру с терпением, которого она никогда не видела. И это терпение - оно пугает больше, чем крики. Потому что к крикам она привыкла. А к доброте - нет. Она не знает, как на неё реагировать. Она не знает, можно ли ей доверять. Она не знает, не исчезнет ли она, как исчезало всё хорошее в её жизни. Но она идёт за ней. Потому что идти больше некуда. Потому что этот коридор - единственный путь, который у неё есть.

Лира смотрит по сторонам, и каждый раз, когда её взгляд касается новой детали - витража в окне, узора на стене, цветка в вазе, который раскрывается, когда она проходит мимо, - она чувствует, как внутри неё что-то меняется. Медленно.

Почти незаметно. Как будто она учится видеть мир по-новому. Не как место, где нужно выживать. А как место, где можно жить.

Она замечает, что цветы в вазах действительно двигаются. Когда она подходит ближе, их лепестки слегка приоткрываются, как будто они приветствуют её. Когда она отходит, они закрываются. Она останавливается перед одной из ваз, чтобы проверить, не кажется ли ей это. Девочка с косами тоже останавливается, не спрашивая, зачем. Просто ждёт. Лира протягивает руку к цветку - белому, с тонкими лепестками, похожими на бумагу. Её пальцы касаются одного из них. Он тёплый. Живой. И он не вянет. Не умирает. Просто остаётся таким же, каким был. Она отдёргивает руку, чувствуя, как внутри неё поднимается что-то - облегчение. Она боялась, что цветок завянет, как те, у реки. Как тот подсолнух у забора. Как те цветы, которых она касалась в доме у реки, когда была маленькой. Но этот - не завял. Он остался живым. И это простое открытие - что не все цветы умирают от её прикосновения - заставляет её сердце биться быстрее. Может быть, она не проклятие. Может быть, она может быть нормальной. Может быть, она может быть как все. Может быть, то, что случилось тогда, у реки, было просто случайностью. Может быть, она просто придумала это. Может быть, она просто была маленькой и всё неправильно поняла. Она хочет верить в это. Она хочет, чтобы это было правдой. Она хочет забыть те цветы, которые вяли под её пальцами. Она хочет забыть пса

Ветку, который боялся её. Она хочет забыть всё, что было до этого момента. И она почти верит, что может.

Девочка останавливается перед высокой белой дверью. Она открывает её, пропуская Лиру вперёд, и шепчет:

«Это ваш класс, госпожа. Учитель ждёт вас».

Лира переступает порог.

Класс большой и светлый. Высокие окна занимают целую стену, и за ними - сад, море, небо. Всё то же, что и за окном её комнаты, но сейчас это выглядит ещё более нереально, ещё более прекрасно. На стенах - карты созвездий, которые движутся, переливаются и меняют очертания, как живые. Они не нарисованы - они парят в воздухе, как голограммы, как сны, которые можно потрогать.

Лира смотрит на них, и у неё перехватывает дыхание. Она никогда не видела звёзд так близко. В приюте не было окон, из которых можно было бы увидеть небо. На улице она спала под открытым небом, но звёзды были далёкими, холодными, недоступными. А здесь - они рядом. Они движутся. Они живут. Она протягивает руку, и одна из звёзд, маленькая, серебряная, подлетает к её пальцам, касается их, оставляя лёгкий холодок, и отлетает обратно. Она чувствует, как её губы растягиваются в улыбку. Настоящую. Удивлённую. Детскую. Таковую, какой она не улыбалась с тех пор, как была совсем маленькой, когда мать ещё была жива, когда они сидели на крыльце и смотрели на реку. Она не знала тогда, что такое счастье. Она просто чувствовала его. И теперь она чувствует

его снова. Это ощущение - лёгкое, тёплое, почти невесомое - разливается по её телу, как будто она снова стала той девочкой, которая не знала боли. И она позволяет себе быть ею. Хотя бы на мгновение. Хотя бы здесь.

Парты из светлого дерева, отполированные до блеска, стоят ровными рядами, как солдаты. На каждой парте - книга в кожаном переплёте, перо, чернильница и лист бумаги. Всё новое, всё чистое, всё нетронутое - как она сама, как её новая жизнь.

Учитель - старик с седой бородой, которая струится по его белой мантии, как водопад. Его глаза - светлые, морщинистые, но в них столько тепла, что Лира чувствует, как тает её страх. Он улыбается, когда видит её, и в его улыбке - приветствие, обещание, надежда.

«Садись, дитя, - говорит он мягко, как журчание ручья. - Мы рады тебя видеть. Ты пришла в нужное место. Ты будешь учиться. Ты будешь расти. Ты станешь сильной».

Она садится за парту у окна - рядом со светом, рядом с солнцем. Она проводит рукой по гладкой деревянной поверхности, чувствуя, как она тёплая, как живая. Она касается пера - оно лёгкое, с металлическим наконечником, который поблёскивает в солнечных лучах. Она касается чернильницы - чёрной, глубокой, пахнущей чем-то сладким и терпким. Она касается книги - кожаный переплёт гладкий, прохладный, с тиснёным узором, который она не может разобрать, но который она чувствует пальцами. Всё здесь - новое.

Всё здесь - её. И это чувство - собственности, принадлежности - она не знала никогда. Даже в доме у реки у неё не было своих вещей. Было только то, что давала мать. А здесь - это её парта. Её книга. Её перо. И это простое обладание - оно пугает и радует одновременно. Как будто она наконец-то стала кем-то. Как будто она наконец-то есть. Как будто она перестала быть просто тенью, просто пустым местом. Как будто она стала настоящей.

Класс наполняется детьми, которые тихо рассаживаются по местам. Их взгляды скользят по ней - любопытные, оценивающие, но не враждебные. Она чувствует себя неловко под ними, но рядом с ней - книга, рядом с ней - надежда.

«Мы будем учиться видеть то, что скрыто, - говорит учитель, прохаживаясь между партами. - Мы будем учиться чувствовать мир по-новому. Магия - это не просто сила. Это способность видеть красоту там, где другие видят пустоту. Это способность слышать музыку там, где другие слышат только тишину».

Он останавливается рядом с ней и кладёт перед ней книгу. Толстую, с тёмно-синим переплётом, на котором золотом вытиснены символы. Они переливаются, как живые, как реки, как языки пламени.

«Попробуй коснуться её, - говорит он. - Просто проведи пальцем по странице».

Она смотрит на книгу. Она помнит, как в приюте проверяющие говорили: «Пустышка. Никакого дара. Бесполезна».

Она помнит, как они касались её, и ничего не происходило. Она помнит, как они качали головами и ставили пометки в своих блокнотах. Она помнит, как она чувствовала себя пустой, ненужной, ошибкой. И теперь - новая книга. Новый учитель. Новый шанс. Она боится, что снова ничего не получится. Что она снова окажется пустой. Что они снова увидят, что она - никто. Но она помнит слова Грейс: «Ты не проклятие. Ты не ошибка. Ты - начало». Она держится за них, как за якорь, как за соломинку, как за последнюю надежду, которая не даёт ей упасть. Она закрывает глаза на мгновение, делает глубокий вдох и открывает их. Она готова.

Она поднимает руку. Пальцы слегка дрожат, но она не позволяет себе остановиться. Она медленно касается страницы и проводит пальцем.

Ничего.

Страница остаётся тёмной, как была.

Она пробует снова. Сильнее. Медленнее.

Ничего.

Она чувствует, как стыд поднимается к лицу, горячий и липкий, как она знала его в приюте, когда проверяющие смотрели на неё и качали головами. Она чувствует, как слёзы подступают к глазам, но она не позволяет им течь. Она не позволит себе заплакать здесь. Не перед этим учителем. Не перед этими детьми. Она сжимает кулаки под партой, впинаясь ногтями в ладони, и чувствует, как боль помогает ей не потерять контроль. Она думает: «Я пустышка. Я всегда была

пустышкой. Я никогда не буду такой, как они. Я никогда не буду ничем. Я просто ошибка, которую они не хотят признавать». Но где-то внутри, в том месте, где живёт упрямство, которое помогло ей выжить, шевелится голос: «Не сдавайся. Попробуй ещё раз. Ты не сдавалась раньше. Не сдавайся сейчас». Она помнит, как она выжила в приюте. Как она сбегала. Как она выжила на улице. Как она встретила Михеля. Как она потеряла его. Как она выжила снова. Она всегда выживала. Она всегда находила способ. И сейчас - она найдёт. Она должна найти.

Она помнит голос Грейс: «Ты - надежда». Она закрывает глаза и пробует снова - пальцем по гладкой, прохладной бумаге, чувствуя, как пульс бьётся в её висках, как камень на шее нагревается, пульсирует.

И вдруг она чувствует что-то странное.

Книга под её пальцами становится холодной. Она отдёргивает руку и смотрит на страницу. Там, там, где её палец только что касался бумаги, появилось тёмное пятно. Оно растёт, расплзается, как чернила, как кровь, как трещина во льду. Оно не светится. Оно поглощает свет.

Она смотрит на это пятно, и её сердце замирает. Она не знает, что это. Она не знает, хорошо это или плохо. Но она знает, что это - не то, что должно быть. Она помнит, как в приюте говорили о магии: «Свет - это жизнь. Свет - это сила. Только те, кто может зажечь свет, имеют дар». А здесь - не свет. Здесь - тьма. Она поглощает свет. Она забирает его.

Она чувствует, как холод от книги поднимается по её пальцам, по руке, достигает груди, и внутри неё что-то откликается. Что-то, что она не знала раньше. Что-то, что пугает её. Что-то, что говорит: «Это - ты. Это - твой дар. Это - то, что ты есть». Она не понимает, что это значит. Она не знает, что её дар - забирать, а не создавать. Она просто знает, что это - часть её. Часть того, кто она есть. И она должна научиться жить с этим.

Она смотрит на учителя. Он смотрит на неё, и в его глазах - не разочарование, не терпение, не усталость. В его глазах - удивление. Лёгкое, почти незаметное, но она видит его. Она видит, как он переглядывается с другими учителями у двери, как они обмениваются короткими взглядами, как их губы шевелятся, произнося слова, которых она не слышит.

Она не знает, что они говорят. Она не знает, что они видят в ней. Она просто сидит за партой, смотрит на книгу, которая не засветилась, но стала холодной, и чувствует, как внутри неё разливается что-то новое.

Не пустота. А что-то другое. Что-то, что ждёт своего часа.

Она сжимает камень на шее, и он пульсирует в такт её сердцу. Он тёплый, живой, настоящий. Он как будто говорит ей: «Ты не одна. Я здесь. Я всегда здесь». Она чувствует, как его тепло смешивается с тем холодом, который исходит от книги, и в этом смешении рождается что-то - не страх, не стыд, а что-то другое. Что-то, что она не может назвать, но что чувствует всем телом. Она не знает, что это. Она не

знает, что этот холод - её дар. Что её дар - не свет, а тьма. Что она забирает, а не даёт. Она просто знает, что она - не пустышка. Что в ней есть что-то. Что она - не ошибка. И это знание - ещё хрупкое, ещё неполное, ещё боящееся, что его разобьют, - начинает расти внутри неё, как тот самый цветок, который она когда-то погубила случайным прикосновением. Только теперь она не хочет его губить. Она хочет, чтобы он рос. Она хочет понять, кто она такая. Она хочет научиться контролировать то, что внутри неё. Она хочет стать сильной. Она хочет выжить.

Она сжимает пальцы на книге и ждёт. Ждёт, когда она поймёт, кто она такая.

Она ждёт своего часа.

После урока Лира выходит из класса, и её ноги сами несут её по коридору. Она не знает, куда идёт. Она не знает, что её ждёт. Она просто идёт, чувствуя, как внутри неё пульсирует что-то новое - холод, который остался на её пальцах от книги, смешанный с теплом камня на шее. Она сжимает его, и он отвечает ей, пульсируя в такт её сердцу. Как будто он тоже чувствует это. Как будто он тоже знает, что что-то изменилось.

Она останавливается посреди коридора и смотрит на свои руки. Маленькие, бледные, с тонкими пальцами. Руки, которые только что коснулись книги и сделали её холодной. Руки, которые когда-то касались цветов, и они вяли. Руки, которые касались пса, и он боялся. Она не понимает, что это

значит. Она не знает, почему это происходит. Но она знает, что это - часть её. Часть того, кто она есть. И она должна научиться жить с этим. Она вспоминает, как в приюте дети, которые били её, вдруг становились слабее. Как будто из них что-то уходило. Она не понимала тогда, что это значит. Она не понимает и сейчас. Но она чувствует, что это связано с тем «что-то», что проснулось в ней сегодня. И это пугает её. Потому что она не знает, что это. И она не знает, сможет ли она контролировать это. И она не знает, сможет ли она остановить это, если оно выйдет наружу. Но она знает одно: она должна попробовать. Она должна научиться жить с этим. Потому что это - часть её. И она не может отрезать её, как не может отрезать свою руку или ногу. Она должна принять это. Она должна стать сильной. Она должна выжить.

Она идёт дальше, и коридор расширяется, превращаясь в большой зал. Свет льётся отовсюду - из высоких окон, которые занимают целые стены, из хрустальных люстр, парящих под потолком, как облака, как застывшие дождевые капли. Он окутывает всё вокруг - белые стены, белые диваны, белые мраморные полы, на которых танцуют золотистые блики. Он проникает в каждую пору, в каждую клетку, в каждую частицу её существа, и она чувствует, как её тело, её разум, её душа - всё это начинает привыкать к этому сиянию, как цветок привыкает к солнцу после долгой зимы.

Лира щурится. Свет режет глаза, даже когда она смотрит вниз, на свои руки, на белое платье, которое теперь на ней,

на белые туфли, которые мягко обнимают её ступни. Слёзы выступают на глазах - не от боли, а от избытка. От того, что она не привыкла к такому количеству света. От того, что её глаза, её тело, её душа - все они выросли в темноте, в серости, в полумраке подвалов и канализации, где свет был роскошью, которую она не могла себе позволить.

В зале - дети. Их много. Они сидят на белых диванах, стоят у окон, играют в настольные игры. Они смеются - звонко, легко, беззаботно, как смеются дети, у которых нет забот. Они улыбаются, и их улыбки кажутся Лире такими же яркими, как солнечный свет, как хрустальные люстры, как всё, что её окружает. Она смотрит на них и чувствует, как внутри неё поднимается что-то - не зависть, не тоска, а что-то другое. Надежда. Она хочет быть как они. Она хочет смеяться так же легко. Она хочет улыбаться так же свободно. Она хочет чувствовать себя такой же безопасной, как они. Она хочет верить, что это возможно. Что она может стать такой же. Что она может быть частью этого мира. Но она помнит, как в приюте она тоже смотрела на других детей - на тех, кто был старше, кто уже научился не бояться, кто уже смирился с тем, что они там. Она помнит, как она смотрела на них и думала: «Я никогда не стану такой, как они. Я никогда не перестану бояться». И она оказалась права. Она не перестала бояться. Она просто научилась прятать свой страх. И теперь, глядя на этих детей, которые смеются и играют, она думает: «А они - настоящие? Они действительно счастливы?

Или они тоже просто научились прятать свой страх?» Она не знает ответа. Она не знает, можно ли доверять этой улыбке, этому смеху, этому свету. Но она хочет верить. Она хочет, чтобы это было правдой. Она хочет, чтобы они были настоящими. Потому что если они настоящие - значит, и она может стать настоящей. Значит, и она может быть счастливой. Значит, и она может жить.

Она стоит у входа в зал, и её ноги приросли к полу, как будто она боится сделать шаг вперёд, боится нарушить эту идиллию, боится, что, если она приблизится, этот мир исчезнет, как исчезают миражи в пустыне.

Дети не замечают её. Они заняты своими играми, своими разговорами, своими улыбками. Она стоит, и её пальцы тебят кружево на вороте нового платья, и она чувствует, как ткань мнётся под её пальцами, как она пахнет лавандой и началом. Она не знает, что делать. Она не знает, как подойти к ним, как заговорить, как стать частью этого мира, который кажется ей таким чужим и таким желанным одновременно.

И вдруг она чувствует, как кто-то касается её плеча. Лёгкое, почти невесомое прикосновение, но она вздрагивает, как будто её ударили. Она поворачивается и видит двух девочек. Они держатся за руки - крепко, как будто боятся потерять друг друга. Одного роста, одного возраста, с одинаковыми светлыми волосами, заплетёнными в тугие косы, которые лежат на плечах, как две одинаковые реки. Одинаковые лица - бледные, с тонкими чертами, с одинаковыми ямочка-

ми на щеках, когда они улыбаются. Они похожи как две капли воды, как отражения в зеркале, как две половинки одного целого, которые не могут существовать друг без друга.

Лира смотрит на них, и в памяти всплывает другое лицо. Михель. Он тоже улыбался так - широко, искренне, как будто мир был добрым. Он тоже держал её за руку, когда она боялась. Он тоже говорил: «Ты не одна. Я здесь». Но потом его забрали. Она помнит, как его уводили, как он кричал её имя, как его голос становился всё тише, пока не исчез совсем. Она помнит, как она стояла в темноте повозки и сжимала камень на шее, чувствуя, как он пульсирует в такт её сердцу, как он напоминает ей, что она жива, что она должна жить, что она должна найти его. Она помнит, как она клялась себе, что никогда больше не позволит себе привязаться к кому-то, потому что привязанность - это слабость, а слабость убивает. Но сейчас, глядя на этих двух девочек, она чувствует, как внутри неё что-то тает. Она чувствует, как её защитная стена, которую она строила так долго, начинает трескаться. Она хочет убежать. Она хочет спрятаться. Она хочет быть одна. Но её ноги не слушаются. Её тело хочет остаться. Её тело хочет верить. И она позволяет себе остаться. Она позволяет себе надеяться. Она позволяет себе верить, что эти девочки - не как те, кто предавал её раньше. Что они - настоящие. Что они - её шанс.

«Привет, - говорит одна из них. Её голос звонкий, живой, как колокольчик. Она улыбается, и Лира видит её белые зу-

бы, её светлые глаза, в которых отражается солнце. - Ты новенькая?»

Лира смотрит на неё. Она не знает, что сказать. Она забыла, как разговаривать с людьми, которые не хотят её ударить или обокрасть. Она забыла, как отвечать на вопросы, которые не требуют от неё защиты. Она открывает рот, но слова не приходят. Они застревают в горле, как засохшие листья, как камни, которые годами накапливались внутри неё и не находили выхода.

«Да», - отвечает она наконец. Голос её тихий, почти шёпот, как будто она боится, что кто-то услышит её и накажет за то, что она говорит.

«Я Лена, - говорит девочка, и её улыбка становится шире. - А это моя сестра, Мира. Мы близняшки. Мы здесь уже два года».

««Привет»», - говорит Мира. Её голос мягче, спокойнее, чем у сестры, как тёплая вода, как вечерний свет, как шелест листьев под ветром. Она не улыбается так широко, как Лена, но в её глазах - доброта. Настоящая, тёплая, которая проникает прямо в сердце. «Мы тоже были новенькими, когда приехали. Не бойся. Здесь хорошо. Здесь - семья».

Слово «семья» пронзает Лиру, как игла. Она чувствует, как оно входит в неё, острое и холодное, и оставляет после себя странную, пульсирующую боль. Она не знает, что такое семья. Она не помнит, что такое быть частью чего-то, что не причиняет боль. Но она хочет верить. Она хочет верить, что

здесь, в этом месте, она сможет узнать, что это такое.

Она смотрит в глаза Миры, и на мгновение ей кажется, что она видит там что-то знакомое. Ту же пустоту, которую она видела в своём отражении, когда смотрела в грязные лужи на улице, когда не узнавала себя. Она видит это в глазах Миры - ту же усталость, то же знание того, что мир может быть жестоким, ту же способность улыбаться, даже когда внутри всё рушится. Лира понимает: эти девочки - такие же, как она. Они тоже потеряли что-то важное. Они тоже носят внутри себя ту самую пустоту, которую она носит в себе. И это понимание - страшное и успокаивающее одновременно - заставляет её сделать шаг вперёд. Она не одна. Она никогда не была одна. Просто она не знала, где искать других таких же, как она. А теперь она знает. Они здесь. Они рядом. Они ждали её.

«Меня зовут Лира», - говорит она. Её голос звучит твёрже, чем она ожидала, и она чувствует, как внутри неё поднимается что-то - не страх, не надежда, а что-то другое. Связь. Та связь, которую она никогда не чувствовала с другими, потому что другие никогда не были такими, как она.

«Красивое имя», - говорит Лена. Её улыбка становится мягче, теплее, как будто она тоже чувствует эту связь. «Пойдём, мы покажем тебе библиотеку. Там есть книги с картинками. Мы любим смотреть на них. Когда нам грустно, мы идём туда и смотрим на картинки, и становится легче».

Она протягивает Лире руку. Ладонь у неё тёплая, мягкая,

как у живого человека, как у того, кто знает, что такое прикосновение, которое не причиняет боли. Лира смотрит на эту руку, и чувствует, как её собственная рука поднимается, чтобы коснуться её. Медленно, неуверенно, как будто она боится обжечься. Но когда их пальцы соприкасаются, она не чувствует боли. Она чувствует только тепло. И что-то ещё - что-то, что похоже на обещание. На то, что она не одна. На то, что здесь, в этом белом раю, есть кто-то, кто понимает её.

Лена и Мира ведут её через зал. Они идут между белыми диванами, между смеющимися детьми, между солнечными бликами, которые танцуют на полу, и Лира чувствует, как её ноги ступают по мрамору - легко, почти невесомо. Её новое платье струится вокруг неё, её новые туфли мягко касаются пола, и она чувствует, что она - часть этого. Что она - часть этого света, этой красоты, этой новой жизни, которая только начинается.

Но она останавливается.

Она не знает, почему. Просто что-то привлекает её взгляд, что-то в углу зала, у высокой колонны, где свет падает немного иначе, где тень смешивается с золотом, создавая странный, почти мистический контраст. Она видит мальчика. Он сидит на полу, прямо на мраморных плитах, скрестив ноги, и смотрит вниз, на блокнот, который держит на коленях. Он старше их на пару лет - может быть, девять, может быть, десять. Его волосы тёмные, растрёпанные, падают на глаза, и он не отбрасывает их, не поправляет, просто сидит и смот-

рит на страницу, которую держит перед собой.

Он не смотрит на них. Он вообще не смотрит ни на кого. Он смотрит только в свой блокнот, и его пальцы - испачканные чернилами - лежат на странице, как мёртвые, как отдыхающие. Но она видит, как он рисует. Быстро, уверенно, как будто его рука знает что-то, чего не знает его голова. Его пальцы покрыты чернилами - синими, чёрными, фиолетовыми, как будто он макал их в разные цвета, как будто он смешивал краски прямо на коже, создавая узоры, которые видны только ему.

«Кто это?» - спрашивает Лира. Её голос звучит тихо, почти шёпотом, как будто она боится, что мальчик услышит её.

«Кай», - говорит Мира, и её голос становится мягче. Она тоже смотрит на мальчика, и в её взгляде - что-то странное. Не жалость, не страх, а что-то другое - уважение, может быть, или понимание. «Он здесь уже три года. Он почти ни с кем не разговаривает. Только рисует».

«Что он рисует?» - спрашивает Лира, не отводя взгляда от мальчика. Она чувствует, как её сердце бьётся быстрее, как её дыхание становится глубже, как будто она подходит к чему-то важному, к чему-то, что может изменить её.

«Не знаем, - говорит Лена, пожимая плечами. - Он никому не показывает. Он просто сидит и рисует. Иногда он останавливается и смотрит на то, что нарисовал, и его лицо становится странным. Как будто он видит что-то, чего никто не видит».

Ли́ра делает шаг впе́рёд. Она не знает, зачем она это делает. Она просто хочет понять, кто этот мальчик, почему он сидит один в углу, почему он не смеётся, не играет, не разговаривает с другими детьми. Она хочет понять, что он рисует, что он видит, что он прячет внутри себя.

Ли́ра подходит ближе, и её шаги звучат тихо на мраморном полу. В памяти всплывает другая тень - тень мальчика в приюте, который тоже сидел в углу и не разговаривал ни с кем. Его звали То́мас. Он был старше её на два года, и он тоже не смотрел ни на кого. Он смотрел только в стену, и его глаза были пустыми, как у куклы. Однажды его забрали. Она помнит, как он встал, когда за ним пришли, как он пошёл к двери, не оборачиваясь, как дверь закрылась за ним, и она больше никогда не видела его. Она помнит, как она сидела в своём углу и думала: «Я следующая. Я буду следующей». Но она не стала следующей. Она сбежала. Она выжила. И теперь она стоит перед этим мальчиком, который похож на То́маса, и чувствует, как внутри неё поднимается что-то - не страх, не жалость, а узнавание. Она знает эту тишину. Она знает это одиночество. Она знает, что значит быть тем, кто не вписывается. Она знает, что значит быть тем, кто прячет внутри себя что-то, чего никто не видит. Она знает, что значит быть тем, кто боится, что если он покажет, кто он на самом деле, его отвергнут. И она хочет сказать ему: «Я знаю. Я тоже такая. Ты не один». Но она не может. Слова застревают в горле. Она просто стоит перед ним и смотрит.

Она чувствует, как свет падает на её плечи, как её тень ложится на пол рядом с мальчиком. Он поднимает глаза, когда слышит её шаги - быстро, резко, как зверёк, который привык защищаться. Его взгляд - острый, настороженный, и в нём нет тепла, нет любопытства, только вопрос: «Кто ты? Что тебе нужно? Почему ты здесь?»

««Привет»», - говорит Лира. Она не знает, что она делает. Она просто хочет сказать что-то, чтобы он знал, что она не враг. Её голос дрожит, но она не позволяет ему сломаться. «Меня зовут Лира. Я новенькая».

Он смотрит на неё секунду, две, три. Его глаза - тёмные, глубокие, как ночное небо, как чёрная вода, как те колодцы, в которые она боялась заглядывать. Он не отвечает. Он просто смотрит на неё, и в его взгляде - что-то, чего она не может прочесть. Не страх, не злость, не удивление. Просто тишина. Та тишина, которую она знает так хорошо.

«Что ты рисуешь?» - спрашивает она, делая ещё один шаг вперёд. Она не хочет пугать его, но она хочет знать. Она хочет понять.

««Ничего»», - говорит он. Его голос хриплый, как будто он давно не говорил, как будто его голосовые связки заржавели от молчания. Он закрывает блокнот, но Лира успевает увидеть краешек рисунка. Цветы. Много цветов. Они похожи на те, что растут в садах Академии, но больше, ярче, неестественно яркие, с лепестками, которые переливаются странным, почти болезненным светом. И статуи. Белые, с закры-

тыми глазами, с опущенными головами. Они смотрят вниз, на цветы, как будто охраняют их, как будто оплакивают их.

Лира смотрит на рисунок, и её сердце замирает. Эти цветы - она никогда не видела таких раньше. Ни в приюте, где была только серая плесень на стенах и грязь под ногтями. Ни на улице, где цветы, если они и росли, были бледными, чахлыми, припорошёнными пылью. Эти цветы - другие. Они слишком яркие, слишком живые, как будто они светятся изнутри тем же странным светом, что и статуи рядом с ними. Она смотрит на рисунок, и внутри неё шевелится что-то знакомое. Не воспоминание - она точно не видела этих цветов раньше. А чувство. То самое чувство, которое она испытывала, когда касалась книги в классе, и страница становилась холодной под её пальцами. То самое чувство, которое она чувствовала, когда смотрела на камень на своей шее, и он пульсировал в такт её сердцу. Она не знает, что это. Она не знает, почему этот мальчик рисует такие странные вещи. Но она знает, что это не случайность. Она знает, что он видит то, чего не видят другие. Она знает, что он - такой же, как она. Такой же, кто носит внутри себя что-то, чего никто не понимает. Такой же, кто чувствует мир по-другому. Такой же, кто боится показать, кто он на самом деле. И это знание - оно не пугает её. Оно успокаивает. Потому что теперь она знает: она не одна. Есть кто-то ещё, кто чувствует то же, что и она.

«Извини, - говорит она. - Я не хотела тебя беспокоить».

Он не отвечает. Он опускает глаза и снова открывает блокнот, берёт карандаш, и его рука начинает двигаться по бумаге - быстро, уверенно, как будто она не может остановиться.

Лира отходит. Она чувствует, как её сердце бьётся быстрее, как её дыхание становится глубже, как будто она только что сделала что-то важное. Она не знает, что это было. Она не знает, что она чувствует. Но она знает, что этот мальчик - такой же, как она. Что он тоже один. Что он тоже прячет внутри себя что-то, чего никто не видит.

Лира садится на белый диван рядом с Леной и Мирой. Они смотрят на неё, и в их глазах - вопрос. Они хотят спросить, что произошло, почему она подошла к Каю, почему она так долго стояла там, глядя на его закрытый блокнот. Но они не спрашивают. Они просто сидят рядом с ней, и их тепло передаётся ей через прикосновение плеч, через общее дыхание, через то, что она не одна.

Она смотрит на детей, которые играют, смеются, разговаривают. Она смотрит, как они двигаются по этому белоснежному залу, как они светятся в солнечных лучах, как они кажутся такими счастливыми. Она смотрит на Лену и Миру, которые держатся за руки, как будто боятся потерять друг друга. Она смотрит на Кая, который сидит в углу и рисует свои цветы и статуи. Она чувствует, что здесь все такие же, как она. Потерянные. Сироты. Дети, у которых отняли детство. Дети, которые носят внутри себя ту самую пустоту. И

это понимание - оно не делает её счастливой. Но оно делает её менее одинокой. Потому что теперь она знает: она не одна. Здесь есть другие, кто понимает, что значит терять. Здесь есть другие, кто знает, что значит бояться. Здесь есть другие, кто тоже ищет свой путь. И она не знает, найдёт ли она свой путь. Она не знает, сможет ли она стать счастливой. Но она знает, что она не одна. И это - уже много. Это - уже надежда.

Лира сжимает камень на шее. Он тёплый, пульсирующий, как живое сердце, как второй пульс, который бьётся в такт её собственному. Он единственное, что у неё осталось от прошлого. Единственное, что связывает её с той девочкой, которая дрожала в подвале и смотрела, как умирает её мать. Он её талисман, её память, её обещание.

«Мы все здесь, чтобы исцелиться, - думает она. - Здесь, в этом раю, мы сможем забыть о боли. Мы сможем стать счастливыми. Мы сможем стать семьёй. Настоящей семьёй, которую мы потеряли. Мы сможем любить друг друга и быть любимыми».

Она смотрит на свои руки, на белое платье, на свет, который окутывает её со всех сторон, и позволяет себе верить. Верить, что рай существует. Верить, что она заслуживает счастья. Верить, что боль закончилась. Верить, что у неё есть семья.

Она закрывает глаза и улыбается.

ГЛАВА 3: Ритуал

Утро приходит с запахом соли и цветов. Лира просыпается от тишины - не той, что пугает, а той, что обнимает. Она лежит в своей белой комнате, и солнечный свет уже просачивается сквозь тонкие занавески, оставляя на полу золотистые полосы, в которых танцуют пылинки, как маленькие живые существа, как духи света, как частички чего-то невидимого и прекрасного. Море за окном дышит - медленно, ритмично, мерно, - и его дыхание слышно даже сквозь закрытое стекло: мягкий, убаюкивающий шум волн, которые набегают на скалы внизу и отступают, оставляя после себя белую, шипящую пену, похожую на кружево, на паутину, на следы чьих-то невидимых шагов.

Она лежит, глядя в потолок, и чувствует, как её тело - её измученное, худое, истерзанное тело - постепенно привыкает к тому, что можно не бояться. Мышцы, которые были напряжены так долго, что она уже забыла, каково это - не сжиматься, - начинают отпускать. Плечи, которые всегда были подняты к ушам, готовые к удару, опускаются. Челюсть, которую она постоянно сжимала, чтобы не закричать, расслабляется. Она чувствует, как тепло разливается по её телу, как оно проникает в каждую клетку, как оно согревает её изнутри, как тёплая вода, как улыбка, как объятие.

Она вспоминает, как просыпалась в приюте «Серый Камень». Там не было тишины - там были крики, плач, кашель, шаги надзирателей, которые стучали по коридору, как барабанная дробь. Там не было света - там был только серый

полумрак, просачивающийся сквозь грязные окна, и запах хлорки, въевшийся в каждую пору её кожи. Там она просыпалась с одной мыслью: «Я ещё жива. Я ещё здесь. Я ещё не умерла». И эта мысль была не утешением, а приговором. Она знала, что каждый новый день может стать последним. Она знала, что её могут забрать, как забрали других. Она знала, что она - просто номер, просто тело, просто пустое место, которое никто не заметит, если оно исчезнет. Теперь всё по-другому. Теперь она просыпается с другой мыслью: «Я жива. Я здесь. Я в безопасности». И эта мысль - как тёплое одеяло, которое укрывает её от холода мира. Но внутри, там, где живёт страх, тихо шевелится сомнение: «А надолго ли? А не исчезнет ли это, как исчезало всё раньше?» Она не знает ответа. Она не хочет знать. Она хочет просто верить. Она хочет просто быть. Она хочет просто дышать. И она позволяет себе это - хотя бы на это утро.

Лира садится на кровать, и её ноги касаются тёплого деревянного пола. Он гладкий, отполированный до блеска, и она чувствует, как тепло поднимается от него вверх, к её коленям, к бёдрам, к животу, к сердцу. Она встаёт, подходит к окну, касается стекла ладонью. Оно прохладное, гладкое, и её тепло остаётся на нём, как маленький след, как обещание того, что она здесь.

За окном - сады. Они спускаются террасами к морю, аккуратные ряды кустов, подстриженных так ровно, будто их вычертили по линейке; цветочные клумбы, которые вспыхи-

вают яркими пятнами: алые, жёлтые, фиолетовые, оранжевые; фонтаны, которые искрятся внизу, разбрасывая тысячи сверкающих брызг. Она смотрит на эту красоту, и чувствует, как что-то внутри неё - то, что было сжато, заморожено, спрятано так глубоко, что она уже забыла о его существовании, - начинает оттаивать. Медленно, осторожно, как лёд под весенним солнцем. Как сердце, которое учится любить заново.

Она замечает, как цветы в саду раскрываются, когда солнце касается их. Она замечает, как птицы просыпаются и начинают петь. Она замечает, как мир вокруг неё оживает, как будто он тоже просыпается после долгой ночи. И она чувствует себя частью этого пробуждения. Как будто она тоже просыпается. Как будто она тоже начинает новую жизнь. Она думает о том, как в приюте утро было просто ещё одним часом, который нужно было пережить. Там не было красоты. Там не было надежды. Там было только выживание. А здесь - жизнь. Настоящая жизнь. И она не знает, как на неё реагировать. Она не знает, можно ли ей доверять. Но она хочет попробовать. Она хочет верить, что это - реально. Что это - не сон. Что это - её новая жизнь. Она хочет верить, что она может быть частью этого мира. Что она может быть счастливой. Что она может жить, а не просто выживать.

Лира надевает белое платье - то самое, которое ей дали в первый день. Оно уже стало родным, привычным, как вторая кожа. Оно пахнет лавандой и чем-то ещё - свежестью,

чистотой, началом. Она проводит рукой по ткани, чувствуя, как она струится под пальцами, как она лёгкая и невесомая, как облако, как обещание. Она завязывает шнурки на белых туфлях и чувствует, как они мягко обнимают её ноги, как поддерживают каждый её шаг, как будто они тоже хотят, чтобы она не упала. Она касается камня на шее - он тёплый, пульсирующий, как второе сердце, - и улыбается своему отражению в зеркале.

Она смотрит на себя и не узнаёт себя. Та девочка, которая смотрит на неё с белой стены, - не та Лира, которая дрожала в подвале и смотрела, как умирает её мать. Не та Лира, которая сидела в углу приюта и ждала, когда её заберут. Не та Лира, которая крала хлеб на рынках и спала в канализации. Эта девочка - другая. У неё чистые волосы, чистые глаза, чистое платье. У неё нет синяков под глазами, нет грязи под ногтями, нет запаха страха, который въелся в кожу. Она смотрит на это отражение и не знает, кто это. Она не знает, принадлежит ли это лицо ей. Она не знает, сможет ли она стать этой девочкой. Но она знает, что хочет попробовать. Она хочет верить, что этот новый человек - тоже она. Что она может начать заново. Что она может быть кем-то другим. Она хочет верить, что она может быть счастливой. Что она может быть свободной. Что она может быть собой - настоящей собой, той, кого она никогда не знала, но кем всегда хотела стать.

Лира выходит из комнаты, и коридор встречает её тиши-

ной и светом. Белые стены, золотые рамы, картины, которые кажутся живыми - на них движутся облака, колышутся деревья, текут реки, - цветы в вазах, которые раскрываются, когда она проходит мимо, как будто они приветствуют ее, как будто они тоже рады видеть её здесь. Всё это уже не кажется ей чужим. Всё это становится её домом. Местом, где она может быть собой. Где она может дышать.

Она идёт по коридору, и её шаги звучат мягко, ритмично, как утренний пульс этого места. Она видит других детей - они тоже выходят из своих комнат, тоже идут в одном направлении, к главному залу. Они улыбаются ей. Некоторые кивают, некоторые машут рукой, некоторые просто смотрят с той тихой, тёплой добротой, которая не требует слов. Лира чувствует, как внутри неё поднимается что-то - не страх, не настороженность, а тепло. То самое тепло, которое она чувствовала в первый день, когда впервые коснулась белых простынь и поняла, что она в безопасности.

Все дети идут в одном направлении. Они не разговаривают громко. Их голоса тихие, почти почтительные, как будто они идут в храм. Лира смотрит на их лица - серьёзные, спокойные, но в глазах у некоторых она видит то же, что видела в глазах Лены и Миры. Ту же пустоту. Ту же усталость. Она видит, как некоторые дети сжимают руки в кулаки, как будто они боятся того, что их ждёт. Она видит, как другие, наоборот, расслаблены, почти счастливы, как будто они ждали этого момента. Она не знает, что их ждёт. Она не знает, что

такое ритуал. Но она чувствует, что это - что-то важное. Что-то, что определяет их жизнь здесь. Что-то, что связывает их всех вместе. Она чувствует, как воздух вокруг неё становится плотнее, тяжелее, как будто само пространство готовится к чему-то важному. И она идёт вместе со всеми, чувствуя, как её шаги сливаются с шагами других детей, как их дыхание становится одним дыханием, как они становятся одним целым.

Она замечает, как кто-то касается её плеча, и оборачивается. Это Лена. Её глаза светятся, как два маленьких солнца, и её улыбка такая широкая, что Лира не может не улыбнуться в ответ. «Доброе утро, Лира, - говорит Лена. - Ты готова к ритуалу?» Рядом с ней стоит Мира, её сестра, и держит её за руку, как всегда. Она тоже улыбается, и в её улыбке - спокойствие, уверенность, доброта.

«Да», - отвечает Лира, и её голос звучит твёрже, чем она ожидала. - «Я готова».

Они идут вместе - втроём, а за ними - другие дети. Свет струится из высоких окон, падает на их плечи, на их волосы, на их руки, и Лира чувствует, как он соединяет их всех, как он делает их одной семьёй. Она смотрит по сторонам - на белые колонны, на золотые узоры, на цветы, которые раскрываются на её глазах, - и чувствует, как её сердце наполняется чем-то новым. Чем-то, что она не может назвать, но что делает её лёгкой, как облако.

Лира видит Кая. Он идёт чуть впереди, один, сжимая свой

блокнот в руках. Его тёмные волосы падают на глаза, и он не смотрит по сторонам. Он смотрит только вперёд, на дверь зала, как будто он уже знает, что его ждёт там. Лира чувствует, как внутри неё поднимается что-то - любопытство, может быть, или сочувствие. Она хочет подойти к нему, сказать что-то, чтобы он знал, что она здесь, что она видит его. Но она не делает этого. Она просто идёт рядом с Леной и Мирой, чувствуя их тепло.

Она смотрит на его спину, на его сжатые плечи, на его руки, которые сжимают блокнот так сильно, что костяшки белеют. Она видит, как он напряжён, как он готовится к чему-то, что его пугает. Она знает это чувство. Она знает, как это - идти в неизвестность, боясь того, что ждёт впереди. Она знает, как это - сжимать что-то в руках, чтобы не упасть. Она знает, как это - быть одному, даже когда вокруг другие. И она хочет сказать ему: «Я знаю. Я тоже боюсь. Но мы справимся. Мы справимся вместе». Но она не говорит. Она просто идёт за ним, чувствуя, как их шаги сливаются в один ритм, как их дыхание становится одним дыханием, как они становятся частью одного целого.

Зал встречает её светом. Огромный, высокий, с потолком, который уходит вверх, теряясь в золотистой дымке, расписанный фресками - ангелы с распростёртыми крыльями, которые парят в небесах, облака, которые плывут по бесконечному голубому простору, звёзды, которые мерцают и движутся, как живые, спирали, которые закручиваются в беско-

нечность, уходящую за пределы видимого. Светящиеся шары парят под потолком, как маленькие солнца, излучая мягкий тёплый свет, который окутывает всё вокруг, делая пространство невесомым, почти нереальным, почти сном. Они движутся медленно, плавно, как живые существа, как духи света, как стражи этого места, как те, кто охраняет покой всех, кто входит сюда.

Тихо. Так тихо, что Лира слышит, как бьётся сердце каждого ребёнка, как их дыхание сливается в одно, как их шаги - мягкие, почти беззвучные - ступают по мраморному полу, создавая ритм, который она чувствует всем телом. Красиво. Так красиво, что у неё перехватывает дыхание, и она останавливается на мгновение, чтобы просто вдохнуть эту красоту, чтобы запомнить её навсегда. Торжественно. Как в храме.

Не том храме, который она видела на картинках в книгах - с золотыми куполами и строгими лицами святых, с тяжёлыми свечами и густым ладаном. А в храме, который она представляла, когда лежала в подвале и смотрела на трещины в потолке, пытаясь представить, что есть место, где нет боли. В храме, где свет не просто освещает, а исцеляет. Где тишина не пугает, а успокаивает. Где каждый, кто входит, становится частью чего-то большего, чем он сам. Где каждый чувствует себя любимым. Она смотрит на этот свет, на эти фрески, на эти лица детей, и чувствует, как внутри неё поднимается что-то, что она не может назвать. Это не надежда. Это не

вера. Это что-то другое. Что-то, что похоже на то, что она чувствовала, когда сжимала камень на шее в самые тёмные ночи, когда думала, что не выживет. Что-то, что говорит ей: «Ты здесь. Ты часть этого. Ты не одна». И она позволяет этому чувству заполнить её. Она позволяет ему стать частью её. Она позволяет ему быть.

Дети собираются в центре зала. Они становятся в круг - ровный, живой, дышащий. Их лица обращены к центру, где стоят учителя в белых мантиях, расшитых золотыми узорами, которые переливаются и движутся, как живые нити, как реки света, как кровь самого зала. Учителя стоят неподвижно, их руки опущены вдоль тела, их глаза закрыты. Они тоже дышат в такт этому месту, в такт этому свету, в такт этому утру.

Лира находит своё место. Между Леной и Мирой. Они берут её за руки - тёплые ладони, мягкие, живые, - и она чувствует, как их тепло передаётся ей, как оно перетекает от них к ней, как вода перетекает из одного сосуда в другой. Она сжимает их руки в ответ, чувствуя, как они сжимают её руки, как будто они тоже хотят сказать ей: «Ты не одна. Мы здесь. Мы с тобой».

Она смотрит на Кая. Он стоит напротив неё, через круг. Его глаза открыты, но он не смотрит ни на кого. Он смотрит в центр круга, на учителей, и его лицо спокойно. Слишком спокойно. Как будто он знает что-то, чего не знают другие. Но она не спрашивает. Она просто позволяет себе быть

здесь.

Учителя поднимают руки, и зал затихает. Тишина становится глубже, гуще, как вода, в которую погружаешься с головой, как ночь, в которой теряются звёзды, как сон, который не хочет заканчиваться. Их голоса звучат мягко и глубоко, заполняя пространство, как волны, как ветер, как свет, который проникает сквозь закрытые веки.

«Передайте тепло друг другу, - говорят они. Их голоса сливаются в одну гармонию, как ноты одной мелодии, как голоса одного хора. - Мы - одна семья. Мы - дети света. Мы пришли в этот мир не для того, чтобы быть одни. Мы пришли, чтобы быть вместе. Мы пришли, чтобы любить друг друга. Мы пришли, чтобы исцелить друг друга. Мы пришли, чтобы держать друг друга за руки и никогда не отпускать».

Лира закрывает глаза.

Слова учителей проникают в неё, как свет проникает сквозь кожу. Она чувствует их не ушами, а всем телом - каждой клеткой, каждым нервом, каждым воспоминанием о боли, которое начинает таять под этим теплом, как снег под весенним солнцем, как лёд под тёплой водой. Она чувствует, как воздух вокруг неё становится плотнее, теплее, как будто кто-то невидимый обнимает её со всех сторон, как будто сам свет становится живым и прикасается к ней, гладит её по голове, как мать, шепчет ей на ухо слова утешения.

И вдруг она чувствует руки.

Чьи-то руки касаются её плеча. Тёплые, мягкие, с тонки-

ми пальцами. Потом - её спины. Потом - её головы. Она не открывает глаз, но чувствует, как эти прикосновения передаются от одного человека к другому, как тепло перетекает от ребёнка к ребёнку, от руки к руке, от сердца к сердцу, от света к свету. Она чувствует, как эта волна тепла проходит сквозь неё, как она заполняет то место внутри неё, которое всегда казалось пустым, холодным, бесконечным, как чёрная дыра, в которую уходило всё хорошее.

Тепло разливается по её телу - медленно, ритмично, как вода, которая заполняет пересохшее русло, как дождь, который падает на сухую землю, как утро, которое приходит после долгой ночи. Она чувствует, как оттаивает что-то замёрзшее внутри неё - тот самый лёд, который она носила в себе так долго, что уже забыла о его существовании. Она чувствует, как её сердце начинает биться ровнее, как её дыхание становится глубже, спокойнее, как будто она впервые за долгие годы может дышать полной грудью.

Она чувствует, как её тело расслабляется. Мышцы, которые были напряжены так долго, что она уже не помнила, каково это - не бояться, - начинают отпускать. Она чувствует, как плечи опускаются, как челюсть разжимается, как пальцы, которые сжимали кулаки, распрямляются. Она чувствует, как тепло проникает в её спину, в её шею, в её затылок, в то место, где годами жила боль от постоянного напряжения. Она чувствует, как это тепло вытесняет холод, который был её спутником так долго, который она считала частью се-

бя, который она не могла отличить от своей собственной сути. Она чувствует, как она становится легче, как будто с неё снимают тяжёлый груз, который она носила всю жизнь. Она чувствует, как она становится свободнее. Как будто она может дышать. Как будто она может жить. Она чувствует, как слёзы подступают к глазам - не от боли, не от страха, а от облегчения. От того, что она наконец-то может быть собой. От того, что она наконец-то может чувствовать. От того, что она наконец-то жива.

Лира думает о матери. О том, как мать обнимала её, когда она была маленькой, когда они жили в доме у реки, когда ещё пахло хлебом и надеждой. О том, как мать гладила её по голове, как её руки - шершавые, тёплые, сильные - касались её волос, её щёк, её плеч. О том, как она чувствовала себя в безопасности в этих объятиях, как она верила, что ничего плохого не может случиться, пока мать рядом. Она не чувствовала этого тепла так долго, что уже забыла, каково это. Но теперь оно возвращается. Теперь она чувствует его снова. Она чувствует, как оно заполняет её, как оно делает её целой.

Она вспоминает, как мать пела ей по вечерам. Ту самую песню, которую она помнит, но никогда не сможет повторить, потому что она принадлежит только им двоим. Она вспоминает, как мать пахла - рекой, мылом и тёплым хлебом. Она вспоминает, как мать держала её за руку, когда они сидели на крыльце и смотрели на закат. Она вспоминает, как мать говорила: «Ты сильная, Лира. Ты сможешь всё. Ты -

дар, а не проклятие». Она не понимала тогда этих слов. Она думала, что мать просто говорит то, что говорят все матери, чтобы утешить своих детей. Но теперь, стоя в этом кругу, чувствуя тепло, которое передаётся от руки к руке, она начинает верить. Она начинает верить, что мать была права. Что она - не проклятие. Что она - дар. Что она - сильная. Что она может быть счастливой. Что она может жить.

«Мы - одна семья, - звучат голоса учителей. - Мы - дети света. Мы любим друг друга. Мы заботимся друг о друге. Мы никогда не оставим друг друга. Мы всегда будем вместе. Всегда».

Лира чувствует, как слёзы текут по её щекам. Тёплые, солёные, они падают на её белое платье, оставляя тёмные пятна, которые тут же исчезают, впитываясь в ткань, как будто их и не было. Она не пытается их остановить. Она позволяет им течь, потому что это - слёзы облегчения. Слёзы благодарности. Слёзы за то, что она не одна. За то, что у неё есть семья. За то, что она - часть этого света, этой любви, этого круга, который никогда не разорвётся.

Она чувствует, как Лена сжимает её руку чуть крепче. Она чувствует, как Мира касается её плеча. Она чувствует, как тепло от них перетекает в неё, как оно согревает её изнутри. Она чувствует, как она становится частью чего-то большего, чем она сама. Частью семьи. Частью света. Частью любви. И это чувство - оно не похоже ни на что, что она чувствовала раньше. Оно глубже. Оно теплее. Оно настоящее. Она поз-

воляет себе быть в нём. Она позволяет себе верить. Она позволяет себе надеяться. Она позволяет себе быть счастливой.

Когда ритуал заканчивается, она открывает глаза. Зал всё так же светится, шары всё так же парят под потолком, дети всё так же улыбаются. Но что-то изменилось. Что-то внутри неё изменилось. Она чувствует себя легче, свободнее, как будто часть той тяжести, которую она носила всю жизнь, наконец исчезла. Как будто она сбросила старую кожу. Как будто она родилась заново.

Лири смотрит на свои руки. Они больше не дрожат. Она смотрит на Лёну и Миру - они улыбаются ей, и в их улыбках - та же теплота, которую она чувствовала во время ритуала. Она смотрит на Кая - он стоит чуть поодаль, его блокнот закрыт, и в его глазах - что-то, чего она не видела раньше. Не страх. Не пустоту. А что-то другое. Что-то, что похоже на надежду. Она не знает, что это. Она не знает, что изменилось. Но она знает, что она - не одна. И это знание - оно согревает её больше, чем любой свет. Оно делает её сильнее. Оно делает её живой.

Она улыбается. Не той улыбкой, которой улыбалась в первый день - робкой, неуверенной, боящейся, что её увидят. А другой. Настоящей. Искренней. Свободной. Улыбкой человека, который наконец-то нашёл своё место. Улыбкой человека, который наконец-то может дышать. Улыбкой человека, который наконец-то живёт.

День проходит быстро.

Уроки, занятия, прогулки в саду. Лира учится, запоминает, пытается понять этот новый мир, который открывается перед ней. Но в её мыслях - всегда вечер. Всегда свечи. Всегда та круглая комната, где тишина становится глубже, чем океан.

Лира сидит на уроке, и учитель говорит о созвездиях, о том, как звёзды движутся по небу, о том, как они влияют на судьбы людей. Его голос течёт ровно, как вода, как время, как что-то, что не имеет ни начала, ни конца. Она слушает, но не слышит. Её мысли далеко. Она думает о вечере, о свечах, о том, что будет происходить в круглой комнате. Она думает о том, что она чувствовала во время утреннего ритуала, о том тепле, которое разлилось по её телу, о том, как она плакала, не стесняясь. Она думает о том, что это значит. Она думает о том, что это место - не просто школа. Это что-то другое. Что-то, что она не может объяснить, но что она чувствует каждой клеткой своего тела. Она думает о том, что, может быть, здесь она сможет найти то, что искала всю свою жизнь. Может быть, здесь она сможет найти себя. Может быть, здесь она сможет перестать бояться. Она не знает, правда ли это. Но она хочет верить. Она хочет, чтобы это было правдой. Она смотрит на доску, на которой учитель рисует созвездия, и они кажутся ей не просто точками на бумаге, а чем-то живым. Как будто каждая звезда - это чья-то душа. Как будто каждая звезда - это чья-то история.

Как будто каждая звезда - это чей-то свет, который никогда не гаснет. Она думает о том, что, может быть, её мать сейчас где-то там, среди этих звёзд. Может быть, она смотрит на неё. Может быть, она гордится ею. Может быть, она ждёт её. Она не знает, правда ли это. Но она хочет верить, что это так. Она хочет верить, что мать всегда с ней. Что она всегда рядом. Что она никогда не оставит её.

Она смотрит на свои руки, лежащие на парте. Маленькие, бледные, с тонкими пальцами. Она думает о том, как эти руки касались книги в классе, и она стала холодной. Она думает о том, как эти руки касались цветов у реки, и они вяли. Она думает о том, как эти руки касались пса Ветку, и он боялся. Она не понимает, почему это происходит. Она не знает, что это значит. Но она чувствует, что это - часть её. Часть того, кто она есть. И она думает о том, что, может быть, свечи тоже боятся её прикосновения. Может быть, если она коснётся их, они погаснут. Может быть, она не должна прикасаться к ним. Может быть, она должна просто посмотреть на них. Она сжимает руки в кулаки и прячет их под парту. Она не хочет, чтобы кто-то увидел их. Она не хочет, чтобы кто-то знал, что она может сделать. Она не хочет, чтобы кто-то боялся её. Она хочет быть нормальной. Она хочет быть как все. Она хочет, чтобы её руки были просто руками. А не чем-то, что может убивать. Она чувствует, как слёзы подступают к глазам, но она не позволяет им течь. Она сжимает кулаки сильнее, впиваясь ногтями в ладони, и чувствует, как боль

помогает ей не потерять контроль. Она думает: «Я не хочу быть чудовищем. Я не хочу, чтобы меня боялись. Я хочу быть просто девочкой. Я хочу быть нормальной». Но она знает, что это не так. Она знает, что она - не нормальная. Она знает, что она - другая. И она не знает, сможет ли она когда-нибудь стать такой, как все.

После обеда она гуляет в саду с Леной и Мирой. Солнце уже начинает клониться к закату, окрашивая небо в золотые и розовые тона, и сады кажутся ещё более прекрасными, ещё более живыми, чем утром. Цветы раскрываются шире, как будто они тоже чувствуют приближение вечера. Фонтаны поют громче, как будто они тоже готовятся к ночи. Птицы кружат над головой, их крики звонкие, чистые, они вплетаются в шум ветра и воды, создавая мелодию, которая звучит как колыбельная, как обещание, как молитва.

Она идёт по дорожке, и её ноги ступают по мягкой траве. Она чувствует, как трава касается её ступней через тонкую подошву туфель, как она прохладная и влажная, как она пахнет землёй и зеленью. Она вдыхает этот запах, и он напоминает ей о доме у реки, о том, как она бегала босиком по траве, когда была маленькой, когда мать ещё была жива, когда мир казался ей простым и безопасным. Она вспоминает, как трава щекотала её ступни, как она смеялась, когда бежала за бабочками, как мать кричала ей из окна: «Не уходи далеко, Лира!» Она вспоминает, как она не слушалась. Как она убегала всё дальше и дальше, исследуя мир, который казал-

ся ей бесконечным. Она вспоминает, как она возвращалась домой, и мать ругала её, но в глазах у неё была улыбка. Она вспоминает, как мать обнимала её, и её руки пахли хлебом и рекой. Она чувствует, как внутри неё поднимается что-то - не грусть, а что-то другое. Тёплое. Живое. Как будто мать всё ещё рядом. Как будто она всё ещё здесь. Она закрывает глаза на мгновение и позволяет этому чувству остаться с ней. Она хочет запомнить его. Она хочет сохранить его в себе. Она хочет, чтобы оно всегда было с ней.

Лена берёт её за руку и ведёт к фонтану. Вода в нём прозрачная, как стекло, и когда она касается её, она чувствует, как прохлада разливается по пальцам, как она поднимается по руке, достигает плеча, и внутри неё что-то успокаивается. Она смотрит на своё отражение в воде - бледное лицо, большие глаза, тёмные волосы, которые ветер шевелит, как будто он тоже хочет прикоснуться к ней. Она не узнаёт себя. Она не знает, кто эта девочка в воде. Но она знает, что она хочет стать ею. Она хочет стать той, кто не боится. Она хочет стать той, кто может быть счастливой. Она хочет стать той, кто может жить. Она смотрит на своё отражение, и на мгновение ей кажется, что оно улыбается ей. Не насмешливо. Не грустно. А тепло, как будто оно знает что-то, чего она ещё не знает. Как будто оно говорит ей: «Ты сможешь. Ты справишься. Ты уже справляешься». Она закрывает глаза и позволяет этому ощущению остаться с ней. Она чувствует, как вода касается её пальцев, как она прохладная и живая, как

она течёт, не останавливаясь, как время, как жизнь, как что-то, что не имеет конца. Она думает о том, что, может быть, она тоже может течь. Может быть, она тоже может двигаться вперёд, не оглядываясь. Может быть, она тоже может быть свободной. Она не знает, правда ли это. Но она хочет верить, что это так. Она хочет верить, что она может быть свободной. Она хочет верить, что она может жить.

Лира смотрит на воду, и на мгновение ей кажется, что она видит в ней что-то ещё. Не своё отражение. А что-то другое. Что-то, что движется под поверхностью. Тень. Или свет. Она не знает, что это. Она не знает, реально ли это. Но она чувствует, что это - часть её. Часть того, что она не понимает. Часть того, что она боится. Она смотрит на воду, и ей кажется, что она видит там свечи. Много свечей. Они горят под водой, их пламя не гаснет, не тускнеет, не исчезает. Они просто горят, как будто вода - это не вода, а воздух. Как будто огонь и вода могут существовать вместе. Она не знает, что это значит. Она не знает, почему она видит это. Но она чувствует, что это важно. Что это - знак. Что это - обещание. Она смотрит на свечи под водой, и они кажутся ей такими же, как те, что будут гореть вечером в круглой комнате. Такими же живыми. Такими же настоящими. Она думает о том, что, может быть, огонь и вода - это не противоположности. Может быть, они могут существовать вместе. Может быть, она тоже может существовать вместе с тем, что внутри неё. Может быть, она может принять свой дар. Может быть, она

может научиться жить с ним. Она не знает, правда ли это. Но она хочет верить, что это так. Она хочет верить, что она может быть целой. Она хочет верить, что она может быть собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.